

63.2(2)
ИГОРЬ ШАКИНКО

ЗАГАДКА УРАЛЬСКОГО ИЗУМРУДА

0 5435
 К63.3(2) Шкинкой М
 ШИТ-КШ Загадка
 Уральского изумру-
 Д.2. СВЕРДЛОВСК
 1980 0-65к.
 23/VI-94
 29.08(ка.в.)
 13.08.97

1987
 15/II-95
 15/II-94
 1698.
 23/II-90

История Урала — часть истории нашей Родины. И как всякая история, она по-своему интересна. В истории Урала еще много «белых пятен». Да, собственно, законченной истории быть и не может. Каждое новое поколение постоянно возвращается к событиям и людям прошлого и по-новому их осмысливает.

Автор этой книги давно уже «заразился» историей Урала. У него свой круг исторических интересов. Его привлекают события и личности, окутанные дымкой загадочности. Свои попытки проникнуть в некоторые тайны уральской истории автор и предлагает читателю.

Вы познакомитесь в книге с первым горным начальником уральских заводов — Василием Никитичем Татищевым; приоткроете одну из тайн легендарной Невьянской башни и узнаете историю создания знаменитым Карлом Брюлловым портретов А. К. Демидовой и А. Н. Демидова; перед вами пройдут страницы странной трагической жизни «гения камня» художника-камнереза Якова Коковина, имя которого связывали с похищением уникального изумруда.

Автор очерков свердловский журналист И. М. Шакинко знаком читателю по книгам «Подпольная кличка — Михаил», «Завод «Русские самоцветы» и публикациям в журналах «Урал» и «Уральский следопыт».

Рецензировали рукопись кандидат исторических наук В. В. Баженов, кандидат географических наук Н. П. Архипова.

03

ИГОРЬ ШАКИНКО

68.3(2)
к Ш 17 - КХ

ЗАГАДКА УРАЛЬСКОГО ИЗУМРУДА

Исторические очерки

К 5435

Красноуральская КНБ
Свердловской обл.

СВЕРДЛОВСК
Средне-Уральское книжное издательство
1980

Горный
начальник

ПРОЛОГ

Как можно познать самого себя? Только путем действия, но никогда — путем созерцания. Попробуй выполнить свой долг, и ты узнаешь, что в тебе есть. Но что такое долг? Требование дня.

Гете

Есть исторические фигуры, значение которых признано всеми достаточно ясно и определено. Они, эти фигуры, прочно стоят на своих пьедесталах, не вызывая никаких сомнений. Споры же о Василии Никитиче Татищеве начались еще при его жизни и продолжают вот уже третье столетие, то затихая, то вновь разгораясь. Вместе с признанием его несомненных заслуг и как ученого, и как практического деятеля, и как человека Татищева часто обвиняли в самых разных грехах и недостатках, высказывали о нем самые противоречивые мнения.

Крайние оценки порождались не только азартом спора (бывало и такое), но отражали и противоречивость самого Татищева. Его жизнь и творчество сложны и неоднозначны. Слово актер древнегреческой трагедии, он появляется перед нами в разных масках. Иногда кажется, что он сочетает в себе несоединимое. То он предстает человеком, далеко опередившим свое время, то его действия и суждения не выходят за рамки самых элементарных предрассудков тогдашней эпохи. Одни видят в нем гуманиста и убедительно аргументируют это, другие, считая его жестоким, даже для той суровой эпохи, администратором, приводят не менее серьезные доказательства. Его взгляды часто не выстраиваются в стройную схему — бывает, что Татищев противоречит сам себе.

И все-таки при всей противоречивости его поступков и мыслей в нем чувствуется внутренняя цельность, определяющая его поведение и взгляды. Татищев — человек оп-

ределенных жизненных убеждений, выработанных при самостоятельном осмыслении мира, анализе своих действий, поступков. Они достались ему нелегко, и в этой нелегкости причина их прочности.

Василия Татищева сформировала Петровская эпоха — время бурных и мучительных поисков, время надежд и разочарований, побед и поражений. Переломное, сложное, противоречивое время. Деятельная жизнь Татищева началась вместе с восемнадцатым веком, который бурей ворвался в Россию. Новый век срывал старые одежды и бороды, ломал древние обычаи и предрассудки, рушил привычные формы государственной и частной жизни, будоражил умы новыми идеями и знаниями... Появились беспокойные люди, которыми овладела жажда переделки этого несовершенного мира. Среди этих людей был и Василий Никитич Татищев. Он жил идеями своего времени и почти всегда находился на самом важном и шумном перекрестке жизни...

Среди «птенцов гнезда Петрова» Татищев по духу — один из самых близких царю-преобразователю. Вокруг Петра I много сподвижников, имена которых прочно вошли в русскую историю. Но даже самый деятельный из них — князь Александр Меншиков — всего лишь талантливый исполнитель замыслов Петра. На Татищеве тоже петровский отблеск, но он светит и собственным светом, он творчески самостоятелен. Татищев не только актер, но и автор собственной драмы. Его жизненная драма была далеко не личной — в биографии Василия Никитича очень мало камерного. Он был общественным человеком, сознательно взвалившим на себя ответственность времени.

Основное содержание его жизни — работа, работа и работа. Женщины, охота, карты и все другое, что отвлекает от работы его современников, — почти исключено из жизни Татищева. Он никогда не знал отдыха, никогда не ездил специально лечиться, хотя часто и тяжело болел. С постоянным напряжением ума и всех своих сил он тру-

дился и при благоприятных условиях, и в самые критические дни жизни, когда над ним нависала почти смертельная опасность. Для Татищева неестественно, нецелесообразно тратить время на пустые развлечения или толковать в ничегонеделании. Он даже требовал (совсем в духе царя Петра) телесного наказания за «беспутную» трату времени.

Татищев никогда не был бессребреником, не чурался чинов, активно их добивался, ему были приятны литавры славы. Но над всем этим властвовала более сильная страсть, которая все подчиняла себе.

За свою жизнь Татищев успел сделать немало. Однако судьба его трагична. Тогдашняя эпоха не приняла многое из того, что давал этот человек. Ни один из его главных научных трудов, за исключением небольшой статьи, не был опубликован при его жизни, хотя с рукописями знакомились многие современники. Многие татищевские проекты, касавшиеся важнейших проблем России, не были осуществлены своевременно...

И несмотря на это, Татищев заметно повлиял на свою эпоху и вышел за ее рамки. По сравнению с предшественниками он сделал шаг вперед, причем зачастую шаг, начинающий новую дорогу во многих областях: истории, философии, географии, горном деле...

Творчество и деяния Татищева изучают самые разные специалисты. По выражению одного из исследователей его научного наследства С. Н. Валка, появилась целая наука «татищеведение».

И все-таки и научная и практическая деятельность Татищева изучена еще недостаточно.

Полная биография Татищева, раскрывающая многогранность его природы и деяний,— дело будущего. Настоящее же повествование рассказывает о нем как о горном деятеле и только иногда касается других сторон его жизни, которые помогают лучше понять деятельность Татищева на Урале.

Предлагаемые читателю страницы жизнеописания Татищева — результат многолетней работы автора над опубликованными источниками и архивными документами. Жанр исторической биографии бесконечно разнообразен. В данном случае — это обыкновенная документальная хроника с некоторыми размышлениями. В ней нет вымышленных фактов и эпизодов. Поэтому каждый раз, когда делается попытка реконструировать на основе документов внутренний мир героя, автор оговаривает это.

Понять человека, который жил почти три века назад, нелегко. Каждый, кто знакомится с историческими материалами о человеке и его эпохе, может прочесть их по-разному. Автор дает свое толкование героя, иногда не совпадающее с мнением других исследователей жизни и творчества Татищева. Читатель вправе не согласиться и с отбором биографических фактов, и с их пониманием. Но ведь каждый биограф, не имея права на произвол в обращении с историческими фактами, может иметь свою точку зрения.

«КРОВАВАЯ ШКОЛА»

Это будет случаться с ним не раз: едва Василий Татищев настроится на избранное им самим или порученное ему дело, выберет дорогу, по которой собирается идти далеко и долго, как судьба его делает неожиданный поворот...

Так было и в самом начале 1720 года. Всего несколько месяцев назад царь Петр с интересом выслушал идею артиллерийского капитан-поручика Татищева о размежевании земель в России. Ведь земельные споры, приводившие к острым конфликтам, выросли до проблемы национального бедствия. Кроме того, отсутствие четких внутренних границ в стране чрезвычайно затрудняло многие преобразования. И Петр, не любивший откладывать дела в долгий ящик, тут же поручил офицеру, к которому

он уже давно приглядывался, подать «представление». 18 марта 1719 года Татищев передал царю записку о своем оригинальном способе «како ландкарты или чертежи земель сочинять с объявлением угодий» и брался осуществить это сам с помощью 400 человек¹.

К этой теме они возвращались не раз, и постепенно вопрос межевания перерос в проблему географического описания России, проблему, безусловно, сложную и требующую для ее разрешения немалой «учености». Недаром еще несколько лет назад Петр поручил составить российскую географию самому просвещенному своему сподвижнику Якову Вилимовичу Брюсу, который и привлек к этому делу офицера Василия Татищева.

Убедившись, что ученик Брюса вполне сможет заменить здесь своего учителя, занятого другими важнейшими делами, Петр определил Татищева «к землемерию всего государства и сочинению обстоятельной Российской географии с ландкартами» и поручил ему «главное заведывание» всеми работами², т. е., по существу, назначил его главным географом страны.

С увлечением взялся артиллерийский офицер за эту работу. Со всей обстоятельностью своей природы собирает он книги и старинные карты, набрасывает план будущих трудов, подбирает нужных людей... Наконец-то большое, самостоятельное, интересное дело! С ним собирался он связать свою судьбу на многие годы, может быть, даже на всю жизнь...

Но в первые же дни 1720 года — новое повеление царя Петра: капитан-поручику Василию Татищеву ехать на далекий Урал и строить там заводы... География могла еще подождать, горное дело — нет!

Мир со шведами еще не заключен, но Петр переключился в основном на внутренние дела страны и для их решения часто направлял своих лучших военных. Ведь Северная война, эта, по выражению царя, «тремявременная кровавая и весьма опасная школа», заканчивалась. Почему

«троевременная»? Петр объяснял это так: «Все ученики науки в семь лет оканчивают обыкновенно, но наша школа троекратное время была».

Сполна прошел эту «крававую школу» и Василий Татищев.

В детстве ему — отпрыску хоть и обедневшего, но старинного дворянского рода — была уготовлена служба при дворе. Но царю Петру нужны были не придворные, а солдаты. И в 1704 году восемнадцатилетний стольник Василий Татищев вместе с братом Иваном попал в драгунский полк. Отец их, Никита Алексеевич, по старому русскому обычаю благословил своих сыновей и, провожая на военную службу, напутствовал, чтобы они ни от какого дела «не отрицались и ни на что сами не назывались». Отцовский завет, особенно его первую часть, Василий Никитич запомнил на всю жизнь. И не просто запомнил, а руководствовался им, хотя это часто и нарушало его жизненные планы. Много лет спустя он передаст этот же завет своему сыну, прибавив при этом: «...когда я оно сохранял совершенно и в тягчайших трудностях благополучие видел, а когда чего прилежно искал или отрекался, всегда о том сожалел; равно и над другими видел»³.

Драгун Василий Татищев показал себя хорошим солдатом. Уже через год, в 1705-м он внесен в списки молодых дворян, посылаемых за границу для обучения военному искусству. Причём в списке он уже назван офицером Азовского драгунского полка. Наверняка столь быстрое повышение Татищев получил не зря.

Но за границу на этот раз он не попал — незадолго до намеченного отъезда умер отец. Три брата и сестра остались сиротами (мать умерла еще раньше). Теперь Василий Татищев должен стоять на собственных ногах без родительской поддержки.

Отныне мы редко увидим его в кругу семьи. В родительский дом в Москве, где жили брат-калека Никифор, мачеха и другие родственники, он лишь изредка будет на-

езжать. Появятся со временем своя семья и свои дома в Петербурге и Москве, но его основная жизнь пройдет вне их. Месяцами, а часто и годами он оторван от семьи военными походами, командировками в Европу, на Урал, в Астрахань... Считанные дни, скорее гость, чем хозяин, проведет он под крышей семейного дома. Гораздо чаще ему придется ночевать в походных палатках, на постоянных дворах, во временных казенных квартирах. Только последние годы, уже стариком, проживет он безвыездно в своей Болдинской усадьбе под Москвой, да и то не по своей воле.

Атмосфера петровских преобразований пришлась Татищеву по вкусу. Далеко не все выдерживали темп, заданный Петром. Молодого поручика Азовского полка заметно выделяет среди других офицеров исполнительность, смекалка, расторопность.

Полковой командир посылает его со специальными поручениями то в Польшу, то в Москву, то в Киев... Во время этих разъездов с разных сторон видит он встревоженную Петром Россию. Он общается с людьми из окружения царя, заражается их настроением. Ему нравится постоянная деловая спешка, дух веселой озабоченности. В центре всех этих забот, этой бурлящей жизни он видит царя Петра и вскоре лично с ним знакомится. Произошло это, вероятно, в 1706 году в Москве...

Поручик Василий Татищев участвует в главных кампаниях и сражениях Северной войны, в том числе и в Полтавской битве.

Позднее он вспоминал: «Счастливым для меня был тот день, когда на поле Полтавском я ранен был подле государя, который сам все распоряжал под ядрами и пулями, и когда по обыкновению своему он поцеловал меня в лоб, поздравляя раненым за отечество. Счастливым был тот день...»⁴

Последним ратным делом поручика Татищева стал Прутский поход. Когда турки разорвали мирный договор

с Россией, Петр двинул к молдавским границам драгунские полки. В их авангарде был и Татищев. Командуя тремя сотнями всадников, он, выполняя особое задание, прошел через Киев, побывал у Азова, устья Днепра, в Крыму, на Дунае и Пруте.

Во время Прутского похода произошла встреча Татищева с человеком, которому суждено было сыграть в его судьбе важную роль.

Яков Брюс был потомком шотландских королей. Его отец еще при Кромвеле бежал в Россию и дослужился в русской армии до полковника. Здесь, в Москве, и родился Яков Вилимович. Россия стала его родиной не только по месту рождения. Он был почти единственным из многочисленного иноземного окружения царя, кого русские не считали иностранцем и кто пользовался особым расположением Петра.

В тридцать пять лет Брюс получил один из высших чинов русской армии — генерал-фельдцейхмейстера, что-то вроде современного маршала артиллерии и инженерных войск.

Но Яков Брюс был не только талантливым военачальником. Пушкин, назвав его русским Фаустом, прозорливо увидел в нем главное — фаустовскую страсть к познанию мира.

Вся жизнь Брюса была связана с армией, бесконечными походами и сражениями. Он ходил в Крымский и Азовский походы, участвовал во всех крупнейших баталиях Северной войны, но всегда, даже в самых неудобных условиях, не оставлял своих ученых занятий. Его кабинетом была походная палатка, его лабораторией — купол неба над головой.

В перерывах между боями или после тяжелых маршей, когда солдаты спали мертвым сном, их генерал, покинув палатку с походной постелью, часами смотрел в странные трубы на далекие звезды. Когда же небо закрывали тучи, он зажигал в палатке свечи и чертил на бу-

мажных листах какие-то фигуры и формулы или склонялся над толстыми фолиантами...

Брюса никогда не покидала ненасытная жажда знаний, неистребимое стремление постигнуть «вселенной внутренней связь», разгадать тайны мироздания, понять суть жизни и смерти. Его имя прочно вошло в историю многих наук: астрономии, математики, механики, географии... Он с блеском владел многими специальностями, свободно читал и писал на восьми языках. Он переводил на русский язык книги по астрономии и фортификации, трактаты по механике и математике, составлял словари, писал предисловия и редактировал переводы ученых трудов по самым разным наукам. Почти в каждом письме Петру вместе с донесениями военного характера мы встречаем сообщения о его научных занятиях: то он пишет о подготовке к печати первого русского учебника по геометрии, то о переводе «Книги мироздания» голландского физика и астронома Христиана Гюйгенса, то о своей популярной книге, излагающей учение Коперника...

Во время поездок за границу Брюс посещал университеты, библиотеки, лаборатории, встречался с видными учеными Европы. Он лично был знаком с Ньютоном, много лет переписывался с Лейбницем.

Мы не знаем, при каких обстоятельствах сблизились поручик Татищев и фельдмаршал Брюс, но так или иначе эта встреча была удачей для первого. Брюс стал его учителем и покровителем.

Вместе с Брюсом весной 1712 года Татищев едет «за моря... для смотра тамошнего военного обхождения». И поскольку Брюс собирается перевести его в артиллерию, то он должен учиться в Европе и «инженерному искусству»⁵.

Поездка была недолгой — всего два месяца. Но уже на следующий, 1713 год Татищев снова отправляется за

границу. И опять с Брюсом. На этот раз почти четыре года путешествует он по европейским странам, лишь иногда возвращаясь в Россию.

Данциг... Берлин... Бреславль... Дрезден... Татищев не только осваивает военное дело, но и соприкасается с миром европейской науки. И двери в этот мир перед ним распахнул Брюс.

В один из своих приездов из Европы в Москву, летом 1714 года, Татищев женился на молодой генеральской вдове Авдотье Васильевне Реткиной (урожденной Андреевской). Мы почти ничего не знаем об этой женщине. Наверное, она была красива и обаятельна, если так быстро вскружила голову молодому офицеру.

Эта скоропалительная женитьба не вяжется с характером Василия Татищева и как бы выпадает из других его жизненных действий. Обычно он принимает решение, тщательно взвесив все обстоятельства. Но у любви свои законы и своя логика. Через двадцать лет Татищев запишет в «Духовной сыну»: «Любовь часто так помрачает ум наш, что мы иногда наше благополучие, здравие и погибель презираем».

Забегая вперед, скажем, что брак этот не был счастливым.

* * *

В марте 1716 года Василий Татищев, окончив наконец свое заграничное путешествие, возвращается в Россию. Как и всякий, кого Петр посылал на учебу в Европу, он должен подвергнуться испытанию. Успешно выдержав экзамен, Татищев был «написан» поручиком артиллерии и стал служить под началом Брюса в Петербурге. Еще в 1712 году Татищева отправляли за границу капитаном драгунского полка, но поскольку повышение в спешке не оформили, то он, перейдя в другой род войск, начал новую службу в чине артиллерийского поручика.

Сразу же после приезда из Европы Василий Никитич окунулся в деловую атмосферу Петербурга. Новая столица России жила в лихорадочной спешке. Вместо земляных стен Петропавловской крепости возводились каменные с бастионами, уже уперлись в небо стропила колокольни собора. На главной площади появились Троицкая церковь и мазанковые здания сената и гостиного двора. Застраивались дворцами набережные Невы. И все-таки московская знать при каждом удобном случае пыталась удрать из проклятого «парадиза». Петр упрямо возвращал бежавших вельмож под конвоем драгун. Одна за другой вырастали новые слободки. В Артиллерийской слободе, что около Литейного двора, неподалеку от дома Брюса отвели участок и артиллерийскому поручику Василию Татищеву. Здесь он срубил себе жилой дом с пристройками.

Петр по-прежнему не давал никому покоя, начиная все новые и новые дела. Как всегда, не хватало людей. И хотя поручик Татищев находился в полку Главной полевой артиллерии, но фактически был чем-то вроде офицера для особых поручений при Брюсе. По его заданию он составляет практическую планиметрию, работает над книгой по машиноведению, руководит строительством Оружейного двора...

Обстановка в Европе оставалась напряженной, и Петр продолжал держать за границей русские войска. Оторванные от баз снабжения, солдаты и офицеры обносились, мундиры их превратились в лохмотья. Разбитые на ухабах дорог пушки вышли из строя.

Нужен был надежный человек, который сумел бы на месте организовать ремонт артиллерии, помог обусть и одеть артиллеристов. Выбор Брюса пал на Татищева.

Оставив в новом петербургском доме двухлетнюю дочь и беременную жену, Татищев едет за сотни верст.

Прибыв в Кенигсберг, где ему поручено сделать первые заказы, он знакомится с мастерскими, ищет сукна для мундиров. Все делает с отменной добросовестностью,

с дотошностью расчетливого хозяина, вникая в каждую мелочь. Знакомится с пушечным мастером Витверком и приглашает его на работу в Петербург. До тонкостей изучает литейное дело, посылая Брюсу подробнейшие отчеты о новых приемах литья пушек.

Покончив с заказами, Татищев спешит к русским войскам и переезжает в Тарунь, где расквартирован штаб русской армии и дивизия Репнина.

Наконец через семь недель работа закончена. Генерал Репнин восторженно сообщает Брюсу: «...присланный от Вашего превосходительства поручик Татищев человек добрый и дело свое в моей дивизии изрядно исправил. Истинно никогда так не было, за что благодарствуем и желаю, дабы и всегда здесь при нас таковы ж были, а не такие, какие были и ныне есть»⁶.

В октябре 1717 года Татищев возвращается в Петербург. Брюс доволен своим офицером, еще больше приближает его к себе. Сразу же после приезда Татищев представлен к следующему чину и, блестяще сдав экзамен, переведен в капитан-поручики с жалованьем 15 рублей в месяц.

В начале января 1718 года Татищев вслед за Брюсом уезжает на Аландские острова, где должны начаться мирные переговоры со шведами. По поручению своего патрона, назначенного главой русской делегации, Татищев выбирает место для переговоров.

Во время Аландского конгресса Татищев был офицером связи между Брюсом и царем. Поскольку Петр, как всегда, не сидел на одном месте, то Татищеву приходилось гоняться за ним повсюду. Они встречались то в Петербурге, то на Олонецких водах, то на кораблях в Балтийском море.

Эти встречи, как мы уже знаем, закончились посылкой Василия Никитича на Урал. Но прежде чем последовать вместе с ним на Каменный Пояс, сделаем небольшое отступление, касающееся отношения Татищева к Петру I.

К Петру нельзя было относиться равнодушно: его или ненавидели и боялись, или восторгались и боготворили. Новая Россия рождалась в жестоких муках. Царь Петр повел русскую нацию вперед в бешеном темпе, поощряя идущих с ним в ногу, подгоняя батогами ленивых и вздергивая на дыбу противящихся. Среди тех, кому было по пути с царем-преобразователем, находился и Василий Татищев.

Образ необыкновенного царя заслонял для него, как и для многих других современников, все остальные творческие силы страны. Именно Петра, и только его, считали они творцом всего, что совершалось вокруг них. Татищев преклонялся перед царем-реформатором. Петр для него — «отец отечества», «премудрый в свете государь», «бесмертной славы и пользы российской умножитель», монарх, достойный «вечного от России благодарения»... Василий Никитич всегда с гордостью вспоминал о встречах и совместной работе с «великим монархом». «Все, что имею,— писал Татищев незадолго до смерти,— чины, честь, имение и, главное над всем, разум — единственно все по милости его величества имею, ибо если бы он меня в чужие край не посылал, к делам знатым не употреблял, а милостию не ободрял, то бы я не мог ничего того поучить»⁷.

До самого смертного часа Петр был для Татищева мерилом всех дел и поступков, человеком, который оказывал на него самое глубокое влияние. Не учитывать этого влияния — значит, многого не понять ни в характере, ни в деяниях Татищева...

НА КАМЕННОМ ПОЯСЕ

Российское государство пред многими иными землями преизобилует и потребными металлами, и минералами благословенно есть, которые до нынешнего времени без всякого прилежания исканы, паче же не так употреблены были, как принадлежит.

Из указа Петра I от 10 декабря 1719 года

Уральские горы суть знатнейшие во всей империи...

В. Н. Татищев

В. О. Ключевский называл Урал «открытием Петра». На рудные богатства Урала царь посматривал давно — еще с конца семнадцатого столетия. А вместе с первыми баталиями против шведов начался и штурм уральских недр. На далеком и полудиком Каменном Поясе уже в самом начале нового века задымили первые доменные заводы, которые, как писал глава Сибирского приказа Андрей Вениус, «у таких построены добрых руд, каковы по всей вселенной лучше быть невозможно».

Это было событие! Первый номер петровских «Ведомостей» с гордостью сообщал: «В Верхотурском уезде из новообретенной железной руды много пушек налито. И железа велми много сделано. И такого мягкого и доброго железа из шведские земли не привозили для того, что у них такого нет...»⁸

Но богатые руды лежали за тысячи верст, а металл для войны нужен был сейчас, незамедлительно, ибо «время яко смерть», говаривал Петр. И тогда спешно настроили горных заводов на Олонце: руды там победнее, да и мало их, зато рядом с театром войны.

Про Урал не то что забыли, но внимания особого не было. А потому только Невьянский завод, переданный

Никите Демидову, набирал силу, казенные же — Каменский, Уктусский и Алапаевский — дымили понемножку, с перебоями и остановками.

Но когда исход войны со шведами определился, а олонецкие руды поистожились, Петр вновь повернул свой взор на восток — «встреч солнца» — туда, где распростерлись огромные земли, такие огромные, что неизвестно было, где они кончались, да и кончались ли вообще.

Начался новый штурм железного и медного Урала.

10 декабря 1719 года опубликовали Берг-привилегию, которая взывала «ко всем и каждому» и призывала «искать, плавить, варить и чистить всякие металлы...», обещая всяческую помощь и поддержку. Берг-привилегия кончалась угрозой: «Против же того тем, которые изобретенные руды утаят и доносить об них не будут или другим в сыскании, устройении и расширении тех заводов запрещать и мешать будут, объявляется наш жестокий гнев, неотложное телесное наказание и смертная казнь и лишение всех имений, яко непокорливому и презирателю нашей воли и врагу общенародные пользы, дабы мог всяк того страшися»⁹.

Но призывами, обещаниями и угрозами царь Петр не ограничился. Он потребовал от Якова Брюса, поставленного во главе только что созданной Берг-коллегии, самых энергичных мер по развитию горного дела.

В самом начале 1720 года решили послать на Урал группу горных специалистов. Во главе ее нужно было поставить надежного человека. Выбор Брюса пал на Татищева.

9 марта Василию Татищеву объявили указ Берг-коллегии: ехать ему в «Сибирскую губернию на Кунгур и в прочие места для осмотра рудных мест и строения заводов»¹⁰. И верный завету отца ни от какого дела «не отрицаться», он добросовестно берется за новое поручение. Он готовится к поездке на Урал с самой тщательной основательностью. Его не удовлетворяет инструкция

Берг-коллегии, и он вносит свои предложения, причем настолько толковые, как будто не впервые берется за горные дела.

В Москве, куда Татищев выехал для завершения подготовки к отъезду на Урал, он встречается с сибирским губернатором князем Алексеем Михайловичем Черкасским, знакомится с рудознатцами, которые привезли из Сибири образцы руд, дотошно расспрашивает всех, кто знаком с горным делом и уральским краем.

Наконец, кажется, все готово. Подобраны люди, получены прогонные на дорогу и пять тысяч рублей «на строение заводов и рудное дело», погружено снаряжение и оружие.

26 мая 1720 года Татищев вместе с берг-мейстером И. Ф. Блиером, берг-штейгером Иваном Патрушевым, несколькими рудознатцами, четырьмя артиллерийскими учениками отправляется из Москвы в путь — по воде на стругах.

И забегая вперед, скажем: эти люди, которых было тогда так мало, несмотря на все трудности и неудачи, оставляют заметный след в истории горнозаводского Урала.

За время своей военной службы Василий Татищев исколесил север, запад и юг России. Теперь он впервые ехал на восток, в край, с которым будет связана значительная часть его жизни.

Многих биографов Татищева удивляет тот факт, что, приехав на Урал, он не просто осуществлял «общее руководство», но действовал как хороший знаток горного дела. Некоторые предполагают, что он приобрел эти знания во время заграничного путешествия. Конечно, Татищев мог видеть в Европе рудники и металлургические заводы, «будучи за морем, выучился инженерному и артиллерийскому делу», среди книг, привезенных им из-за границы, был труд и по геологии. И все-таки, пожалуй, секрет в удивительном его умении учиться делу в ходе самого дела.

Новоиспеченный горный начальник учится горному делу у всех — у простых рудознатцев и чванливых иностранных специалистов. Даже по дороге на Урал он не теряет времени даром: словно губка, он впитывает все полезное, что рассказывают ему Иоганн Блиер, Иван Патрушев, сибирские рудознатцы.

В пути Татищев почти ежедневно пишет Брюсу, докладывает о делах, просит совета. В Казани отыскивает пленного шведа Берглина, знакомого с горным делом, и забирает его с собой, ибо швед оказался «не без ума и трудолюбив».

30 июля наконец прибыли в Кунгур. Приняли у подьячего, ведавшего горными делами, канцелярские бумаги.

Сам город произвел на Татищева удручающее впечатление. Он писал вятскому воеводе 8 августа: «А здесь город (т. е. крепостная стена.— *И. Ш.*) так худ, что никакие надежды к спасению от нападения (башкир) иметь не можем... Город деревянный, весьма ветх и обвалился весь... Извольте комиссару о строении города указом определить; и я, сколько время допустит, в оном помогать буду...»¹¹

Не порадовал и Кунгурский медный завод. Он бездействовал, плавильные печи потрескались, работники разбежались. На всем печать запустения.

Местные воеводы и коменданты, которым от рудников и заводов одна морока, чинили разные «противности»: ловили рудоискателей, садили их в караульную избу, били плетью, запрещая искать руду. С уже открытых месторождений вместо хороших кусков руды посылали на пробу пустую породу. Запуганное население боялось горной работы как чумы.

Татищева и его помощников ждали сразу тысячи дел. Просматривая документы, относящиеся к этому времени,

удивляешься упорству и трудолюбию Татищева. Кажется, что все это не под силу одному человеку, да еще впервые взявшемуся за горное дело. Даже по сухим официальным документам мы чувствуем его энергию. Капитан Татищев работал по четко продуманному плану.

Прежде всего нужны люди.

Татищев приободрил обиженных рудоискателей, выдал им по два рубля «за их усердие, паче же для прикладу (примера) другим», принял на службу, положив плату — 90 копеек в месяц, чем рудоискатели остались довольны.

По приказу Татищева каждый базарный день на главной площади Кунгура читалась Берг-привилегия: отныне не только разрешалось, но и поощрялось искать руды каждому, кто пожелает. Здесь же громогласно объявлялись и указы Татищева о найме на горные работы. И оплата по договору. Но, несмотря на трехкратную «публикацию», почти никто не явился к новому горному начальнику. Напуганное злоупотреблениями казенных людей, местное население не хотело иметь с ними дела.

Правда, новый начальник не похож на воевод и комендантов. Поступает по справедливости: не было случая, чтобы, наняв для развозов лошадей, он не заплатил прогонных — обычай редкий в этих местах. И вообще никакого обмана от него не видно. А все-таки нужно подождать, присмотреться...

Люди, люди, люди — вот что нужно прежде всего, чтобы освоить уральские богатства. Татищев ищет их всюду: среди шведских пленных, для которых он добивается у синода разрешения жениться на русских девушках и вдовах, среди ссыльных, разбросанных по уральским и сибирским городам. Он не побоялся даже просить за Федора Еварлакова, сосланного по делу царевича Алексея. Просит разрешить определить Еварлакова к заводам, так как он «человек умный и в Саксонии не малое время был и ездив по заводам, нарочно присмотреться мог, к тому

же уменьем языков латинского и немецкого немаловажную помощь подать может».

Горный начальник успеваеет заниматься и другими делами, которые, кажется, и не входят в его прямые обязанности. Жалуется вятскому архиерею на кунгурского попа, что тот плохо несет службу. Затеваеет в Кунгуре школу, а в слободах велит обучать детей дьячкам, определив за это вознаграждение.

Наладив горные дела в Предуралье, Татищев отправляется дальше на восточный склон Уральских гор.

В ночь на 30 декабря 1720 года обоз горного начальника добрался до Уктусского казенного завода. Здесь решил Татищев основать свою резиденцию. Сюда и привез из Кунгура горную канцелярию.

Но и Уктусский завод разочаровал его.

Мертвой стоит доменная печь. Два года назад башкиры сожгли завод. Его наскоро отремонтировали, но следы пожараща видны всюду. Можно, конечно, отстроить. Но не лежала душа горного начальника к Уктусскому заводу. Из расспросов понял, что даже летом речка Уктуска не дает нужной силы заводу.

И в новогоднюю ночь рождается главный замысел Татищева, замысел, который оставил самый крупный и самый значительный его след на Урале.

В первый же день нового 1721 года собираеет горный начальник русских мастеров да пленных шведов, знавших толк в горных делах, на совет. Решили — строить новый завод, а для него приискать хорошее место.

И уже 2 января послал Татищев комиссара Тимофея Бурцева — управителя Уктусского завода — на поиски места для того завода. Вскоре Бурцев доложил, что рассмотрены три места на соседней реке Исети.

Не утерпел горный начальник — сразу же сам поехал на Исеть. «Ездил по оной реке месты осматривать, — общал Василий Никитич в Берг-коллегию, — и хотя за зимнюю погоду основания земли видеть не можно, одна-

ко ж обрели отсюда разстоянием в шести верстах место положением берегов и довольством лесов весьма удобно, також и руда ближе, нежели здесь, а по разсуждению мастеров возможно на оном месте построить четыре домны и сорок молотов...»¹².

Может, день был солнечный с легким морозцем. Или просто хорошее настроение. Но к деловой удаче прибавилось еще что-то: приросло сердце Татищева к исетским берегам.

И чем бы ни занимался теперь горный начальник, куда бы ни уезжал — на Алапаевский ли завод или на Ирбитскую ярмарку, — не выходило у него из головы приветное место на Исети...

Целый месяц вынашивает он свой план. Обдумывает. Рассчитывает. Он уже видит этот завод — самый крупный в России. И не завод даже, а целый комбинат — сказали бы мы сегодня. Огромные домны, плавильни, молоты, а рядом цехи с разными ремеслами — стальным, проволочным, жестяным, токарным... Искусные мастера станут делать и часы — стенные, башенные, они будут отсчитывать новое время Урала. Камнерезы и гранильщики откроят красоту узорчатых камней...

И не просто завод появится на берегах Исети, а главный город Каменного Пояса, город, который свяжет в один узел рассыпанные по всему горному краю заводы. Место как раз для горной столицы — в самом центре рудных богатств.

И большая дорога в Сибирь теперь должна идти не через Верхотурье, а через новый Исетский завод. И ярмарку сюда же перевести из Ирбита — совсем там зачахла. Купцы будут довольны. Вот только Берг-коллегию убедить...

«А весною отсюда, — писал Татищев в Петербург, — во всю Сибирь Исетью, в Казань — Чусовую и вниз Камою, к городу Архангельску — Камою вверх и потом Килтмою в Вычегду и Двину — весьма купечеству путь

способный». А потому самое здесь место для большой ярмарки.

«И ежели б сие (т. е. ярмарка) учинилось,— продолжал Татищев,— великий и купечеству прибыль явить можно; к тому же и нам (т. е. казне, государству), когда размножится железо, способно можно к городу отпустить». Нет, мысль о ярмарке явно нравилась Татищеву, и он еще раз убеждает Берг-коллегию: «Сие я не без великия потребности народа и великаго государственного прибьтка представляю»¹³.

Отменный город будет на берегах Исети.

Не только с торговой точки зрения смотрит Татищев на ярмарку при новом Исетском заводе: «Наипаче же, что купечество приезжее увидят здесь множество разных ремесел и, уведомясь о прибьтках и обстоятельствах горных, возьмуют охоту сами в том прибьтка искать станут.

Государственной же коллегии прибьток, что мастеров при таком месте за малое жалованье содержать можем, ибо они от постою и торгу довольны будут. Еще же и сие мню не бесприбьточно, что из Персиды шелковый торг открыт будет»¹⁴.

Это был даже не план строительства одного завода, а целая программа преобразования огромного и богатого края.

И все это не просто мечты. Каждое свое предложение Татищев солидно аргументирует, экономически обосновывает, скрупулезно подсчитывает, сколько и когда казна получит прибыли от осуществления того или иного мероприятия.

Татищев отправляет пакет с донесением в Петербург не почтой, а специальным курьером — так будет быстрее.

Не дожидаясь ответа от Берг-коллегии, он рассылает драгун по соседним слободам для найма работников на стройку, велит расчистить берега Исети от леса, готовить

инструмент... И с нетерпением ждет весны, чтобы размахнуться по-настоящему.

В конце февраля он снова шлет донесение в Петербург, на этот раз с чертежами завода и подробной сметой.

Но кончились февральские вьюги, март запа́х весной — Берг-коллегия молчала.

Апрельское солнце уже согнало снега, очистилась ото льда Исеть, окрасился майской зеленью лес — Берг-коллегия молчала...

Работа же на исетских берегах шла полным ходом: вырастали штабеля леса и камня, появились первые свежерубленные избы...

Татищев пользовался каждой возможностью, чтобы заглянуть на Исеть, радовался стуку топоров и оживлению на берегах...

В конце мая 1721 года пришел наконец ответ из Берг-коллегии. И ответ неожиданный: «Железных заводов вновь до указа строить не велеть, а производить те, кои до сего времени толко были. А паче же производить ныне и старатца всеми мерами серебряные, и медные, и серные, и квасцовые заводы, которых в России нет, а железных везде довольно. Також опасно в том месте железные заводы заводить, чтоб медных дровами не оскудить»¹⁵.

Целую неделю всегда исполнительный Татищев не отдавал приказа прекратить работы на берегах Исети...

Сегодняшние историки, изучая этот конфликт Татищева с Берг-коллегией, решительно становятся на сторону первого. Так, московский историк А. И. Юхт, анализируя майский указ Берг-коллегии, пишет:

«Коллегия руководствовалась текущими, «сиюминутными» потребностями казны, нуждавшейся в меди и серебре для чеканки монет. Надо учитывать и то обстоятельство, что монетное дело до 1727 года находилось в ведении Берг-коллегии и это в свою очередь заставляло ее заботиться о расширении источников сырья, необходимого

для денежного передела. Опасения коллегии, что строительство новых доменных и железоделательных заводов на Урале может отрицательно сказаться на развитии цветной металлургии, были результатом незнания природных условий Урала. Никто из членов Берг-коллегии там никогда не был и не имел отчетливого представления о запасах разных руд и о лесных богатствах.

Коллегия, не имея прямого указания от Петра или сената об увеличении производства железа, ставила в 1720—1721 годах перед Татищевым ограниченную задачу — развивать главным образом медеплавильную промышленность. Оценивая позицию Берг-коллегии, можно сказать, что она была недалеконидной и не учитывала ни благоприятной конъюнктуры на внешнем рынке, предъявлявшем большой спрос на железо, ни перспектив расширения торговли с западноевропейскими странами, которые открывались перед Россией в связи с завоеванием выхода в Балтийское море.

Татищев, понимая важность увеличения выплавки меди, в то же время считал, что основной путь наиболее быстрого роста доходов казны — это расширение объема производства железа, которое можно выгодно сбывать и на внутреннем и на внешнем рынке. По его расчетам (вполне реальным, как оказалось впоследствии), стоимость пуда железа могла обойтись казне в 15—20 копеек, местная же цена составляла 40 копеек. В Петербурге и Архангельске железо можно было продать по 60—65 копеек за пуд, а доставка его в столицу обходилась в 15—16 копеек. Имея в виду огромные запасы железной руды и ее высокое качество (из 1000 пудов руды, как писал впоследствии Геннин, выходило до 500 пудов чугуна), Татищев обещал Берг-коллегии по истечении трех-пяти лет после начала строительства завода значительно увеличить производство железа («повсягодно на пристань поставлять доброго полосового, бутового и связного железа по меньшей мере 200 тысяч пудов»).

Татищев верно определил перспективы развития металлургии на Урале... В ноябре 1723 года в связи с ростом спроса на внешних рынках Берг-коллегия приняла решение: на «сибирских государевых заводах всякого железа... велеть как возможно заготовлять пред прежними годами со умножением»¹⁶.

СХВАТКА С ДЕМИДОВЫМИ

Поднимая казенное горное дело, горный начальник неизбежно должен был столкнуться с Демидовыми: не ужиться двум медведям в одной берлоге, даже такой просторной, как Урал...

Крепко ухватились Никита Демидов и сын его Акинфий за Каменный Пояс. Первыми осваивали они дикий край, а первым всегда трудно. Правда, царь Петр, передав Никите Демидову Невьянский завод, добавил такие привилегии, каких не имел никто. Но привилегии давались не даром. По указу царя за поставку негодных ружей мастеру полагалась смертная казнь, а хозяину плети... Ни разу не оплошал Никита Демидов.

Сам старик Никита на Урале бывал редко. Хозяиничал здесь его старший сын Акинфий — пожалуй, самая яркая фигура в демидовской династии. Почти двадцать лет до приезда Татищева демидовские люди искали руду, ставили заводы, мостили дороги — обживали пустынные земли. Акинфий сам работал как каторжный и других умел заставить — у работных людей трещали спины на горной и огненной работе. Акинфию Демидову тесны были рамки тогдашних законов. Как и отец, он смело играл с законом, ходил по острию, лавировал, постоянно рисковал головой...

Все сходило с рук Демидовым. Стране нужен был металл, и они давали его. Давали больше, чем все хилые казенные заводы, а о качестве и говорить не приходилось.

Потому и награждал царь Демидовых новыми привилегиями. Воеводы не имели права вмешиваться в их дела. Некоронованные короли Урала, они сами вершили суд на своих заводах. Даже имели своих солдат и пушки для охраны.

Никого не хотели допускать Демидовы до уральских недр. Если новые горнопромышленники не понимали предупреждений, Акинфий Демидов шел на прямое насилие: его люди силой выбрасывали с новых рудников чужих работников, ломали заводские строения.

Демидовы теснили с Урала не только частных промышленников, но и казну. Еще до приезда Татищева Акинфий пытался забрать в свои руки Алапаевский и Каменский казенные заводы, добирался до земель по рекам Пышме, Чусовой, Тавде, Полевой — тогда бы в демидовских руках оказался почти весь Средний Урал.

Но не успели Демидовы. Приехал капитан Татищев и оставил за казной примеченные земли. И стал энергично поднимать старые казенные заводы, начал на Исети новый, наметил стройки в других местах. Действия горного начальника, конечно, не понравились Демидовым. Они, правда, вначале не особенно опасались: сколько уж раз брались за казенные заводы — и все пустые хлопоты...

Через своих людей Демидовы намекнули капитану, чтобы он не особенно торопился со строительством новых заводов и закрывал глаза на кое-какие демидовские дела. За это Татищев, по его собственному выражению, «видел и слышал себе довольные обещания».

Но горный начальник взятку «презрел». И тогда-то Акинфий Демидов начал против Татищева настоящую войну. Начал с полной уверенностью, что останется победителем. Держись, капитан!

Борьба между Демидовыми и Татищевым разгорелась прежде всего из-за людей. Демидовы доставали работные руки для своих заводов, в основном обходя законные пути.

Каждый год со всех концов России стекались на демидовские заводы опальные стрельцы, волжская вольница, дезертиры, спасавшиеся от рекрутчины, раскольники, бежавшие от гонений за веру, пленные шведы, беглые крестьяне и каторжники — люди дерзкие духом и крепкие телом. Всех принимали Демидовы, не спрашивая, кто и откуда, и прятали от закона в потайных местах. А когда зарастали бритые лбы и вытраивались воровские клейма, определяли к горной и огненной работе.

Вся притесняемая и находящаяся вне закона Русь знала, что, когда придется совсем туго, она найдет пристанище на Урале, что Демидовы не выдадут ни закону, ни церкви. Татищев в одном из своих донесений в Берг-коллегию сообщал, что у Демидова «выдачи беглых не бывает». А упрятав пришельцев от закона, Демидовы держали их в полной своей власти — теперь искать заступничества было негде.

Выигрыш от этого для демидовских заводов был огромный — не нужно тратить деньги на покупку крепостных крестьян. Платили же Демидовы за работу больше, чем на казенных заводах, — и оттуда переходили к Демидовым работники. Уже при Татищеве Акинфий сманил высокой оплатой лучших мастеров с Уктусского и Алапаевского заводов.

Потому и хирели казенные заводы, потухали домны, смолкал стук молотов, в то время как на демидовских заводах работа шла полным ходом.

«От Демидова нам остановка, — писал Татищев Берг-коллегии, — что работникам прибавливает за работу над потребностью, чего ради мы не можем здесь никакого доброго порядка учредить... Здешние (т. е. уктусские) многие хотят к нему иттить, а другие и ушли, понеже нигде принимать не смеют, а ему откуда такая вольность дана, не знаю».

На каждом шагу сталкивается горный начальник с «противностями» Акинфия Демидова.

Демидовские заставы ловили рудознатцев и запрещали искать руду для казны, грозя «пометать в домны».

Демидовские люди сгоняли уктусских работников с казенного рудника и увозили добытую ими руду к себе.

Демидовские солдаты «били плетью и кнутом смертельно» крестьян, нанятых по приказу горного начальника для сопровождения железного каравана по Чусовой. Били, приговаривая: «Не наймовайся на государевы коломенки, а плавай на демидовских».

Демидовская стража выгоняла с невьянских земель посланных Татищевым геодезистов...

Напрасно шлет горный начальник на Невьянский завод указ за указом — в ответ или оскорбительное молчание, или дерзкие слова. Слова разные, но смысл один: не суй нос, капитан, в демидовские дела. Причем сам Акинфий Демидов с татищевскими посланцами не разговаривал, допускали их только до приказчиков. А те вели себя с людьми горного начальника с наглостью необыкновенной. Так, приказчик Балакин заявил на один из татищевских указов: «Ответа вам нет и впредь не будет, не посылайте к нам ни за чем. Мы капитану не послушны, дела до нас ему нет, и впредь бы он к нам указов от себя не посылал, а приезжал бы сам, а его посыльщиков с указами будем держать скованными в тюрьме до хозяина».

Иногда кажется, что Акинфий Демидов дерзит и оскорбляет капитана Татищева просто из озорства, не преследуя никакой практической цели. Многие его поступки как будто бы лишены всякого смысла.

Он останавливает казенные подводы, проезжающие мимо Невьянска, приказывает сбросить с них груз, а сопровождающего подъячего высечь, чтобы не ездил по его, демидовской, дороге.

Он запрещает крестьянам, живущим на казенных землях, давать лошадей во время разездов горного начальника по Уралу.

Он грозит разными карами крестьянам Курьинской

пристани, если они сдадут избу горному начальнику, собирающемуся сюда приехать на время отправки железных караванов.

Он специально для передачи Татищеву говорит разным людям оскорбительные для горного начальника слова.

Что это? Злые шутки сильного человека? Может быть, он лишний раз хочет подчеркнуть, что хозяева Урала — они, Демидовы, что на Каменном Поясе все в их власти? Наверное, это. Но не только это.

Акинфий рассчитывал, что самолюбие горного начальника не выдержит, что обида ослепит его разум, что он взорвется и в запальчивости наделает глупостей, используя в борьбе то же оружие, которым сражается его противник, применит какой-нибудь незаконный прием. И тогда конец Татищеву. То, что сходит с рук Демидовым, не простится капитану.

Но расчеты хитрого промышленника не оправдались. Ни разу не сорвался Василий Татищев, ни разу не изменила ему выдержка. С изумительным хладнокровием отвечал он на дерзкие выходки Демидова, ни разу не преступил закон, основывая все свои действия на указах и инструкциях.

Но и ни одной «противности» Демидовых не оставил он без внимания. По поводу каждой он организовывал розыск, снимал допросы, заводя на любое демидовское беззаконие дело, оформленное по всем правилам тогдашней юридической науки. И почти к каждому своему донесению в Берг-коллегию горный начальник прилагал обличающие документы — когда дело дойдет до суда, горнопромышленникам не отвертеться.

Правда, далеко не все эти документы доходили до Петербурга. Где-то на пути между Уралом и столицей они бесследно терялись. Причем исчезали иногда вместе с курьером. Чей-то тайный и зоркий глаз постоянно держал под контролем переписку горного начальника с Петербургом.

Это была то явная, то скрытая, но всегда напряжен-

ная и яростная схватка двух умных и стойких людей с сильным характером. И в этой борьбе решался вопрос: кто же будет хозяином на Урале?

Акинфий Демидов вначале недооценил своего противника. Скольких соперников и конкурентов он сравнительно легко убрал со своей дороги, а здесь нашла коса на камень.

Медленно, но упорно добивается Татищев власти как горный начальник. И также медленно, хотя и очень неохотно, уступают ему Демидовы. Уступают далеко не во всем: по-прежнему упрямо отстаивают они свою самостоятельность в заводских делах. И все-таки вынуждены признать, что кроме их, демидовского Урала, есть Урал казенный во главе с горным начальником Татищевым, с которым нельзя не считаться и которому нужно иногда и подчиняться.

Началось с мелочей. Как-то Татищеву пожаловались, что демидовские люди сгоняют с карьера, в котором добывают доменный камень, казенных работников, чинят им обиды и захватывают лучшие места для добычи камня. Карьер был единственным в округе и принадлежал казне. После этой жалобы Татищев устанавливает на карьере новый порядок: доменный камень добывает теперь только казна и отпускает по потребности всем заводам — и казенным и частным. Для получения камня каждый заводчик должен написать доношение на имя горного начальника. Без доменного камня не обойтись, и Акинфий вынужден впервые писать Татищеву. Но написал не по форме — не доношение, а простую записку. Горный начальник отправляет записку назад, требуя доношения. Заводчик оказался в трудном положении. Взять камень с карьера силой теперь невозможно — он охраняется драгунами. Напасть на солдат — это государственное преступление, которое не простят даже Демидовым. И в то же время Акинфий слишком деловой человек, чтобы из-за самолюбия и каприза остановить свои заводы. А потому

вынужден писать Татищеву в форме доношения. Но пишет, иронизируя над горным начальником:

«Доношение благородному господину капитану Василию Татищеву. Комиссар Акинфий Демидов челом бью...— И излагая суть дела, заканчивает: — Просим Вашего Величества о рассмотрении той обиды о ломке доменного. Что повелишь?»

Сдержанно и строго отвечает ему горный начальник, подчеркивая свое право и власть представителя государства, и как школьнику указывает гордому промышленнику на неуместность иронии и шутки в обращении к нему: «Что же вы меня в оном браните неприличною честью, что принадлежит токмо великим государям, и оно я уступаю, полагая на незнание ваше. Упоминаю же, дабы впредь так не дерзали»¹⁷.

Пришлось Демидову обращаться по форме, тем более что горный начальник добился решения Берг-коллегии: «Демидовым быть послушным указам Татищева и писать ему доношениями и впредь особых себе указов из Берг-коллегии не ожидать»¹⁸.

Хотя и не совсем четко, Берг-коллегия определила и права Татищева: «В рудных делах на государственных заводах и Демидову и прочим промышленникам быть во всем послушным Татищеву, яко горному начальнику в Сибирской губернии».

Когда старик Никита Демидов узнал, что его сын зарвался в борьбе с Татищевым, он поспешил приехать из Тулы на Урал, чтобы сгладить остроту отношений с горным начальником. Старший Демидов, встретившись с Татищевым, наверняка пытался дать ему взятку, но, судя по всему, безуспешно.

Татищев твердо продолжал свою прежнюю политику, но в то же время не пытался несправедливо мстить за прошлые обиды.

Однако перемирие, по крайней мере внешнее, все-таки наступило. Переменился и тон переписки Демидовых с

Татищевым. В сентябре 1721 года в письме Никита и Акинфий пишут уже так:

«Государь мой Василий Никитич! Здравие твое и благоденствие и счастливого твоего пребывания всегда желаю!

Изволил ты ко мне писать, чтоб прислал до вашей милости на Уктус шведских плотников. И оных плотников до вашей милости отправляю...»¹⁹

Казалось, Демидовы отказались от своей дерзкой идеи быть единственными и полновластными хозяевами Каменного Пояса и примирились с тем, что на Урале появился еще один законный властелин — представитель государства горный начальник Василий Татищев, человек умный и сильный, способный внушить к себе если не симпатию, то по крайней мере уважение.

Казалось, Демидовы смирились с этим неизбежным фактом. Но так только казалось...

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ УРАЛА

Да недовольна любовь простая и бездейственная.

В. Н. Татищев

Татищев был послан на Урал «для осмотру рудных мест и строения заводов». Конкретизируя эту формулировку, Берг-коллегия требовала от него только одного: увеличить выплавку меди, а если същется, то начать добычу и плавку серебра. Как мы уже знаем, Берг-коллегия запрещала первому горному начальнику выходить за рамки этой задачи.

Но Василий Татищев недаром был одним из самых достойных учеников Петра I. В его уральских делах мы явственно чувствуем дух царя-преобразователя, петровский размах, петровскую страсть, горячую петровскую заинтересованность в работе, наконец, петровские средства и

способы действия. Татищев ведет себя на Урале не как чиновник, пусть даже усердный и исполнительный, а как представитель государства, которому до всего есть дело. Василий Никитич полностью следует первой части отцовского завета — он не «отрицается» ни от какого дела, но зато явно нарушает вторую половину завета — он сам «называется» на многие дела.

Урал поразил его своими возможностями, он увидел его будущее и решил связать себя с этим краем надолго. А потому именно здесь, на Урале, Татищев все больше формируется как разносторонний государственный деятель и как ученый-энциклопедист.

Как горный начальник Татищев должен строить заводы и давать металл. Он смотрит на свои обязанности гораздо шире.

Чтобы искать руды, строить новые заводы, плавить металл, нужны специалисты, а для начала просто грамотные люди. И горный начальник заводит школы — сначала в Кунгуре, потом в Уктусе и Алапаевском заводе, позднее в Екатеринбурге, где впервые создает горнозаводскую школу, сочетавшую теоретические занятия с работой на рудниках и заводах. «Это, — как утверждает исследователь горных школ на Урале, — несомненно являлось новшеством для начала XVIII столетия не только в России, но и для европейских стран»²⁰.

С первых же дней горный начальник испытывает неудобства от несовершенства почтовой связи с Петербургом, Тобольском и другими городами: на согласование самых простых вопросов уходят месяцы. Татищев разрабатывает проект нового типа почт и начинает его осуществление.

Старые дороги плохи и неудобны, что тоже сказывается на развитии горного дела. Татищев предлагает новые трассы дорог.

Горный начальник занимается ярмарками, горными законами, новыми ремеслами, богадельнями и т. д. и т. д.

Круг его административных интересов и забот необычайно широк для горного начальника, ибо он сам взвалил на себя обязанности и воеводы, и губернатора, и судьи...

И вот что еще удивительно. Формально Татищев только «производственник», его главная обязанность «размножать» рудники и заводы. Но именно он первым подал свой голос в защиту уральской природы. Еще не нависла реальная угроза истощения природных ресурсов Урала, но горный начальник заглядывает на десятилетия вперед и заранее бьет тревогу. Вот одна из записей в его дневнике при объезде заводов: «Усмотрено, что во всех этих местах... леса на дрова без надлежащей бережи рубят... Дело дойдет до того, что лесов ни в пятьдесят лет дожидаться надежды нет». Уже в 1721 году он с беспокойством доносит Берг-коллегии: «Меня ничто так не страшит, как непорядочные поступки с лесом и великое небрежение...»²¹

Уже тогда, в первый свой приезд на Урал, Татищев, разрабатывая проект обязанностей горного начальства, вписал в него требование положить конец хищническому использованию природных ресурсов горнопромышленниками. Одна из десяти глав его «Наказа» комиссару Бурцеву называлась «О хранении лесов». Он требовал от Берг-коллегии права контроля над частными заводчиками и для того, чтобы установить, «в добром ли порядке и по достоинству ли они размножены», и если необходимо, то нужно даже «принудить» заводчика сократить производство, так как «множество молотов и нехранение лесов государству не прибыток приносит, а вред»²².

Пользуясь своей властью горного начальника, он написал грозный указ, запрещающий под страхом смертной казни вырубать леса в окрестностях Екатеринбурга.

Владельцы же Невьянского завода Демидовы, а потом и Яковлевы продолжали в течение двух с лишним столетий «скармливать» своим прожорливым доменным печам леса.

Очень скоро Татищев понял: чтобы изменить что-то в судьбе Урала, нужно его хорошо знать. И он превратил свои деловые разъезды по краю в своего рода научные экспедиции, во время которых он изучал природу, быт, обычаи, языки местных народов, собирал коллекции минералов и растений, тщательно осмотрел Кунгурскую пещеру, интересовался минеральными источниками. Будучи в Тобольске, он снял копию с ремезовской «Книги Большому Чертежу» — одной из первых русских карт Урала и Сибири. Разослал из Уктуса во все концы геодезистов — составлять новые карты. Организовал систематический поиск полезных ископаемых, требуя, чтобы рудознаты не только приносили образцы руд, но и составляли чертеж места, где они найдены, и его «обстоятельное описание»²³.

Не забыл Татищев и о наказе Петра заниматься географией. Но вскоре пришел к выводу, что нельзя составить хорошего географического описания, не познав прошлого, не занявшись историей. Именно здесь, на Урале, в 1721 году начал Татищев работать как историк и как географ²⁴.

Тогда же зарождались и экономические взгляды Татищева, отразившиеся в разнообразных проектах развития горной промышленности. Татищев-ученый родился не в кабинетной тиши, его научные труды созревали на почве практических нужд тогдашней дворянской империи.

Далеко не все свои планы удалось осуществить первому горному начальнику. И причин тому было немало.

Тормозила дело нерасторопность, а иногда и некомпетентность Берг-коллегии. Ее президент Брюс — покровитель Татищева — почти весь 1721 год горными делами не занимался: по заданию Петра он вел длительные переговоры о мире со шведами. Остальные члены коллегии не имели достаточно опыта и смелости, чтобы быстро решать сложные и острые вопросы, которые ставил уральский горный начальник. Многие его замыслы разбивались о нерешительность и неповоротливость коллегии.

Не получал серьезной помощи горный начальник и от

сибирского губернатора князя Алексея Михайловича Черкасского, к которому Татищев приезжал дважды в Тобольск.

Почти в каждом татищевском доношении коллегии звучала одна и та же просьба, требование, вопль — пришлите людей, людей, людей... Ибо домны стоят «от незнания мастеров», медеплавильные печи дают брак, некому строить цехи и плотины... Но Берг-коллегия бессильна — она не располагала специалистами.

Берг-мейстер Блиер и берг-штейгер Патрушев, с которыми Татищев приехал на Урал и работал очень дружно, успевали не все. К тому же оба были уже в преклонном возрасте и часто болели.

Несмотря на то что Берг-коллегия запретила строительство нового железоделательного завода на Исети, Татищев продолжал настаивать на своем проекте, правда, предлагая на этот раз построить всего две домны и четыре молота. Он доказывал вновь и вновь, что руда и лес рядом, что возведение плотины обойдется дешево, что воды в любое время года хватит для работы десяти молотов. Тут же он сообщал, что заготовленный лес для стройки приказал собрать и положить на сухие места, что начатые на Исети избы велел дорубить и оставить в срубках, что кирпичей наготовят 100 тысяч штук и на этом пока ограничатся...

Берг-коллегия на этот раз согласилась с доводами Татищева, но разрешила начать стройку только после приезда из Петербурга саксонского берграта Михаэлиса, т. е. фактически отдавала судьбу завода на Исети в его руки.

С осени 1721 года Татищев добивается санкции Берг-коллегии на приезд в Петербург для решения «нужных дел». Коллегия молчит: без президента Брюса она не решается дать своего согласия.

Татищев ждет приезда Михаэлиса, который еще в марте выехал из столицы и должен уже прибыть на Урал, но лишь в начале августа стало известно, что берграт застрял

в Казани и не может выехать, так как сидит без денег, хотя коллегия выдала ему прогонные на весь путь. Пришлось выручать. Татищев написал казанскому губернатору, чтобы Михаэлису выдали под расписку 300 рублей, но губернатор отказал. Тогда Татищев обратился к знакомому казанскому купцу, который и дал немцу деньги под вексель. Михаэлис добрался до Кунгура только в последних числах декабря. Надо думать, что только за одну эту медлительность Татищев возненавидел его. Михаэлис оказался вздорным и бестолковым стариком с непомерно раздутым самомнением. Претендуя на чин «директора всех Российских заводов», он был малосведущ в заводских делах, не знал условий Урала и не собирался вникать в его специфику. К тому же он ни слова не понимал по-русски. Собственно, Берг-коллегия послала Михаэлиса на Урал, чтобы избавиться от него в Петербурге, где он всем надоед своим склочным характером.

Вся деятельность Михаэлиса на Урале состояла в том, что он сочинял на немецком языке многословные проекты и инструкции, в которых трудно было добраться до смысла и которые состояли в основном из общих мест. Единственное конкретное дело, за которое он взялся уже после отъезда Татищева, показало полную несостоятельность чванливого саксонца. Забрав место, выбранное Татищевым на Исети для нового завода, Михаэлис начал строить завод на речке Уктуске, но возведенную под его руководством плотину в первое же половодье снесло вешними водами.

Едва Михаэлис приехал, Татищев заторопился с отъездом в столицу — надо успеть вернуться на Урал к весне, и вернуться не одному, а с мастерами, и начать ставить по уральским рекам новые плотины и заводы.

А пока он будет решать в Берг-коллегии «нужные дела» и выколачивать мастеров, здесь, на Урале, не должно пропадать без дела ни одного дня. И Татищев садится за инструкции заводским комиссарам и «Наказы» горной

канцелярии на время своего отсутствия. В «Наказах» даются конкретные задания (начать добычу медной руды на речке Полевой, «отворить» дорогу через Уктус, «учинить» торжище, т. е. ярмарку, и т. д.) и излагается широкая программа промышленного развития Урала.

Татищев снова, но на этот раз более обстоятельно, предлагает завести на Исети новые фабрики, где «мастера стальные, проволошные, жестяные, часовые большого дела, бумажных мельниц, стеклянных, от которой каждой по особливости государю и государству немалую пользу принести могут...». И хотя подобные его предложения в свое время не были приняты Берг-коллегией во внимание, он снова и снова настаивает на них. И солидно аргументирует все преимущества заведения именно на Урале разных отраслей промышленности, использующих местное железо, которое «олонецкого и других в доброту превосходит, в цене дешевле, множеством изобилует».

Татищев мыслит не только в уральском масштабе, он ясно видит будущую роль Урала для страны в целом.

Вот как оценивают современные ученые «Наказы» Татищева, намеченные им в январе 1722 года. «Для Татищева характерен широкий государственный подход к проблемам промышленного развития страны». И еще: «Татищев первый среди русских экономистов обосновал экономическую целесообразность развития здесь (на Урале.— *И. Ш.*) не только горнозаводской, но и других отраслей промышленности»²⁵.

Оформив свой отъезд решением горной канцелярии, 22 января 1722 года Татищев выехал из Кунгура в Петербург. Но по дороге он узнает, что Петр, все сенаторы, в том числе и Брюс, а также «весь Петербург» уехали в Москву на торжества по случаю долгожданного мира со шведами. И он тоже поворачивает в старую столицу...

Но Петра в Москве Татищев уже не застал — в начале февраля царь отправился на Олонецкие воды. Это очень огорчило горного начальника — ему непременно

хотелось поговорить с императором об уральских делах...

Поскольку Берг-коллегия тоже временно переехала в Москву, Татищев сразу же начинает деловые хлопоты. Он вносит на рассмотрение коллегии свои предложения о нуждах уральских заводов, подает проект управления горными делами, подбирает мастеров.

Одновременно он знакомит Брюса и ученого епископа Феофана Прокоповича со своей рукописью по истории России, объявляя «намерение» продолжить ее, просит снабдить его древними летописями и книгами...

И вдруг — удар в спину...

Никита Демидов подал на него самому «Отцу Отечества, императору Всероссийскому Петру Великому» (так с октября 1721 года по решению сената стали титуловать Петра) жалобу о том, что Татищев чинит обиды и «разорение» демидовским заводам.

Старик Демидов выбрал удачный момент. Не так давно он еще раз заслужил похвалу Петра за великолепное качество металла, выплавленного на Невьянском заводе. Царь специальным указом запретил употреблять в кораблестроении и для особо важных военных нужд железо всех других заводов, кроме демидовского. А совсем недавно Демидов выполнил еще одно крупное поручение Адмиралтейства, и выполнил блестяще. Как-то Петр упрекнул адмирала Апраксина за то, что расходы на лес для флота чрезвычайно велики. Адмирал вызвал к себе Никиту Демидова, и тот взялся за подряд дуба для кораблей, причем согласился ставить лес гораздо дешевле, чем прежние поставщики. И выполнил свой договор раньше срока, поставив дубового леса не на три корабля, как обещал, а на шесть, да еще на пять галер.

Петр, который питал к кораблям особую слабость, остался очень доволен: кругом молодец Демидов! Не оплошал и здесь.

Адмирал Апраксин, докладывая Петру о демидовских успехах, высказался:

— Хорошо, если бы у тебя было десятка два таких помощников, как Демидов.

— Я счастлив бы себя почел, — ответил царь, — если бы имел таких пять, шесть или меньше.

В удачное для себя время пожаловался Никита Демидов на капитана Татищева. И Петр, который совсем недавно специальным указом запретил под угрозой наказания и крупного штрафа подавать челобитные и жалобы на царское имя, принял демидовскую жалобу и обещал разобраться.

По-видимому, из-за этой жалобы Петр велел задержать Татищева в Москве до своего возвращения с Олонечких вод. Царь прибыл в Москву 13 марта 1722 года, и вскоре состоялась его встреча с Татищевым. О чем они тогда говорили, неизвестно...

А между тем Берг-коллегия, поддержав на этот раз многие проекты Татищева, торопит с возвращением на Урал, ибо опасается, что Михаэлис не сумеет отправить весенний караван с железом в Петербург. Но доносом Демидова на Татищева занимается сам император, а потому Брюс письмом просит кабинет-секретаря узнать у Петра, могут ли они вскоре отправить Татищева на Урал, так как если он не выедет в ближайшие дни, то придется «ему воды ждать, ибо сухим путем ехать уже невозможно будет»²⁶. Очевидно, ответ был отрицательный, так как Татищев остался в Москве.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЕГЕНДЫ

Вот уже третье столетие стоит на Василии Никитиче Татищеве клеймо взяточника. И современники, и почти все историки, и биографы, говоря о его заслугах и достоинствах, с сожалением и негодованием отмечают, что он не был лишен этого крупного порока.

Появлению этого клейма мы обязаны... самому Татищеву. В его «Духовной» есть такое место: «Мне случилось в ответе против доноса Никиты Демидова в 722 году на вопрос о взятках произнести апостольское слово: делающему мзда не по благодати, а по долгу...» Далее следуют размышления о мзде за труд и о лихоимстве.

В известном труде И. И. Голикова «Деяния Петра Великого», появившемся во второй половине XVIII века, эти строки превратились в такой эпизод. Голиков приводит разговор Петра I с Татищевым, происходивший в связи с демидовским обвинением последнего во взятках. Вот как об этом рассказывает:

«Он (Петр I) призывает его (Татищева) к себе и спрашивает: правду ли объявляет на него Демидов?»

— Правду, Государь,— отвечает сей муж,— я беру...»²⁷ И далее, ссылаясь на слова апостола, развивает теорию, якобы оправдывающую взятки.

Таким образом, у Голикова получилось, что Татищев сам признался во взятках. И это «признание» десятки раз повторяется самыми разными авторами, не подвергаясь никакому сомнению, тем более что в будущем Татищева еще дважды обвинят в подобном же грехе.

С середины прошлого века биографы Татищева пытались найти в архивах материалы следствия, проведенного Генниным, но безуспешно. Следственное дело удалось обнаружить в ЦГАДА только в 1973 году*. Правда, не подлинник, а копию, списанную для Берг-коллегии. Она так и называется: «Государственной Берг-коллегии выписка обстоятельная из дела, что розыскано между Демидовым и капитаном Татищевым, и о деле Татищева в Сибири»²⁸. Именно это дело позволило по-новому взглянуть на укоренившуюся легенду о Татищеве как о взяточнике.

* Первым это следственное дело нашел московский историк А. И. Юхт, который и сообщил об этом автору.

Знакомство со следственным делом окончательно подтвердило, что все обвинения Демидовых, в том числе и о взятках, были ложными. Что же касается взяток, то оказалось: Демидов давал взятку, но Татищев не взял. «Понеже,— писал Геннин Петру I,— и деньгами он (Демидов) не мог Татищева укупить, чтоб вашего величества заводам не быть»²⁹.

Причина демидовской клеветы ясна: Татищев мешал Демидову по-своему хозяйничать на Урале, а потому заводчик «искал, как бы его (Татищева) от своего рубежа выжить». Не имея против горного начальника никаких реальных обвинений, Никита Демидов надеялся, что ему поверят, а уж в ходе следствия обязательно выявятся какие-нибудь оплошности Татищева. Был Демидов уверен и в том, что у других-то горный начальник наверняка берет взятки, как это делают все казенные люди. Но расчет Демидова не оправдался и здесь — Татищев оказался редким исключением.

В начале 1724 года Высший суд, на котором присутствовал сам Петр I, полностью оправдал Татищева. О Никите же Демидове суд постановил: за то, что «он не бил челом о своей обиде на Татищева у надлежащего суда, но, презирая указы, дерзнул его величество в неправом деле словесным прошением утруждать, вместо наказания взять штраф 30000 рублей». Демидовы должны были заплатить штраф и Татищеву.

Сумма штрафа была огромна даже для Демидовых, и потому Петр, не желая обижать своего любимца и отпугнуть других «охочих» к заводам людей, указал отложить окончательное решение о штрафе до приезда Геннина с Урала и выслушать его мнение...

Штраф в пользу казны так и не был взят, но Татищеву Демидов вынужден был оплатить все убытки, понесенные Василием Никитичем во время следствия.

Так почему же появился «голиковский разговор»? Попробуемся разобраться.

Петр I, который принимал участие в разборе конфликта между Татищевым и Демидовыми, был рад, что обвинения против горного начальника не подтвердились и что он оказался не только энергичным и умным, но и честным работником. Случай для того времени уникальный. Редкий из важнейших петровских помощников, редкий из сенаторов избежал суда или подозрения в нечистых делах. Самые близкие к царю люди — Меншиков, Апраксин, Шафиров — были виновны в крупных злоупотреблениях. Дубинка Петра была уже бессильна, и он перешел к более жестоким мерам.

За несколько недель до суда по делу Татищева и Демидовых перед зданием сената вывели на эшафот восемнадцать преступников — в основном это были люди, занимавшие крупные посты. И среди них сам обер-фискал Нестеров — человек, пользовавшийся особым доверием царя, человек, в обязанность которого входило выискивать и искоренять нарушения закона, в том числе мздоимство и казнокрадство. Поэтому Нестерову не просто отрубили голову, как другим, а присудили к страшной казни — колесованию. По указу Петра на казни должны были присутствовать члены всех коллегий, от президентов до писцов...

Но воровать не перестали. Вскоре Петр опять слушал в сенате новые дела о хищениях. Взбешенный, он повелел обнародовать именной указ: кто украдет у казны столько, сколько стоит веревка для виселицы, — будет повешен. Генерал-прокурор Ягужинский возразил Петру: «Разве, ваше величество, хотите остаться императором один, без подданных?» Петр не издал указа. Но прощать казнокрадство не собирался. Когда назначенный вместо Нестерова обер-фискал Мякитин, докладывая о новых злоупотреблениях, спросил царя: «Обрубать ли только сучья или положить топор на самые корни?», Петр ответил: «Руби все дотла». Смерть Петра помешала осуществить это намерение.

Разговор с Петром I, который приводит Голиков, мог происходить или в 1722 году, вскоре после доноса Демидова, или в 1724-м, когда Татищев, вернувшись из Екатеринбурга, жил в Петербурге. Сам Татищев дважды в своих сочинениях называет последний год.

Именно в это время Татищев был особенно близок к Петру. Последние годы своей жизни царь все больше задумывался о судьбах своих преобразований. Сделано много. Еще больше начато. Россия была похожа, по выражению Меншикова, на «недостроенную храмину». Кто будет достраивать?

С неудовольствием оглядывал Петр ряды своих приближенных. Многие, кого он долгие годы натаскивал, причал к большим делам, не оправдали его доверия. Одни состарились, устали и думали теперь о покое. Другие, по выражению Ключевского, «не столько поддерживали ее (реформу.— И. Ш.), сколько сами за нее держались». Третьи, тот же адмирал Апраксин — «цепной слуга преобразователя», бесконечно преданный лично царю, был в то же время затаенным противником его преобразований.

Петр I усиленно искал новых людей, которые продолжили бы его дело. Такого человека он увидел в Татищеве и после суда оставил его при себе, начал приобщать к крупным государственным делам, вводить в круг своих главных забот и идей.

Не было, пожалуй, ни одной крупной проблемы, о которой император не говорил бы с Татищевым в 1724 году. В продолжение целой четверти века после смерти Петра I Татищев, занимаясь самыми разными делами, которые продолжали петровские замыслы, постоянно будет ссылаться на свои личные разговоры с Петром I и в подавляющем большинстве случаев датирует их 1724 годом³⁰.

А теперь вернемся к разговору Петра I с Татищевым, с которого мы начали главу. Разговор этот мог возникнуть не столько в связи с обвинением последнего во взятках, сколько потому, что это была слишком злободневная тема

того времени. Донос Демидова дал только повод для начала разговора о важной проблеме...

Итак, Татищев отвечает: «Я беру, но в том ни перед богом, ни пред Вашим величеством не прегрешаю». И приводит слова апостола Павла: «Делающему мзда не по благодати, а по долгу».

Царь потребовал объяснения, и Татищев развил целую теорию: лихоимство есть неправо взятое, а мзда за труд не есть грех. «Если я,— рассуждает Татищев,— и ничего не взяв, противу закона сделаю — повинен. А если из мзды к законопреступлению присоединится лихоимство, должен сугубого наказания. Когда же право и порядочно сделал и от правого возблагодарение приму, ничем осужден быть не могу.

Если мзду за труд почтешь во мздоимство, то, конечно, более вреда государству и разорения подданным последует, ибо должен я за полученное жалованье работать только до полудня, в которое мне, конечно, времени на решение всех нужных просьб не достанет, а после обеда трудиться моей должности нет...

Дела в канцеляриях должны решаться по регистрам порядком; и случается то, что несколько дел весьма ненужных впереди, а последнему по регистру такая нужда, что если ему дни два решение продолжится, то может несколько тысяч убытку понести, что купечеству нередко случается. И от такого правого порядку может более вреда быть. Если я вижу, что мой труд не в туне будет, то я не токмо после обеда, но и ночью потружуся: игры, карты, собаки и беседы или прочие увеселения оставляю и, несмотря на регистр, нужнейшие прежде ненужного решу, чем как себе, так и просителю пользу принесу, а за взятую мзду от бога и вашего величества по правде сужден быть не могу»³¹.

Он здесь рассуждает как деловой человек. Осуждая лихоимство и взятку и требуя за них наказания, Татищев предлагает официально разрешить дополнительную опла-

ту за труд. Причем речь идет не о нем лично, хотя Татищев и развивает свою теорию от первого лица. В данном случае это литературный прием. Свои рассуждения Татищев ведет на примере судьи, а этой должности он никогда не занимал.

Вспомним обстановку того времени в государственных учреждениях. Лихоимство во многом порождалось бюрократизмом и неповоротливостью коллегий и разных канцелярий. В то время не только на местах, но и в высшем органе — сенате скопилось 16 тысяч нерешенных дел! Государственный аппарат попросту не успевал решать многие вопросы, что и приводило к злоупотреблениям. Татищев и предлагал свой выход из этого положения: ввести дополнительную оплату от частных лиц.

Кстати, сам Петр I уже пользовался подобной практикой. Когда подьячие секретного стола сенатской канцелярии попросили у царя прибавки жалованья, ссылаясь на «великое оскудение и нищету», то он принял довольно оригинальное решение: прибавил подьячим не жалованья, а ...работы, определив им «ведать» строгановские и другие дела.

Петр I, выслушав Татищева, высказал сомнение: здесь ловкие люди могут найти лазейку для злоупотреблений и есть опасность, «чтоб под видом добротных подарков не стали принужденно вымогать»³². Тем не менее, как вспоминает Татищев, в 1724 году Петр I «намерен был указом изъяснить» разницу между взяткой и мздой за труд, «токмо знатно время и другие дела воспрепятствовали»³³.

Можно соглашаться или не соглашаться с «теорией» Татищева, с его способом решения государственной проблемы. Это одно дело. Но Голиков связал два факта: обвинение Демидовыми Татищева во взятках и разговор на эту тему последнего с Петром I. Связал и по-своему подал и интерпретировал. И пошло гулять по свету «признание» самого Татищева во взятках.

РОЖДЕНИЕ ЕКАТЕРИНБУРГА

Очевидно, при мартовской встрече с Петром Татищев рассказал ему о своем конфликте с Демидовыми и в чем-то убедил его. Поверил в правоту Татищева и Яков Брюс. 24 января 1722 года, когда Василий Никитич находился еще на пути в Москву, Брюс писал Никите Демидову:

«Господин Демидов! Известен я, что вы жалобу приносите на капитана от артиллерии Татищева, будто он вам некоторые обиды кажет. И вы в том оберегитесь, чтоб было не напрасно. А паче как ты будешь здесь, то мы вас можем развести (т. е. примирить.— И. Ш.)»³⁴.

Петр, выслушав другую сторону, хотя и не принял определенного решения, но не видел в Татищеве человека безусловно виновного. В противном случае едва ли бы он разговаривал с ним на другие темы.

А говорили они еще о географии и истории России. Татищев показал царю древнюю копию летописи Нестора, которую он нашел у раскольников на Урале. Петр заинтересовался летописью и даже взял ее с собой в Персидский поход. После разговора с Татищевым и появился указ Петра, повелевавший собирать в монастырях летописи исторических хроник и снимать с них копии.

Разобрать конфликт Татищева с Демидовыми царь поручил генералу Геннину.

Виллим Геннин, которого Петр вывез из Голландии еще в конце прошлого века, был усердным и честным служакой. По заданию царя он поднимал Олонецкие заводы, строил суда, лил пушки. Петр, часто бывавший на Олонце, был доволен им и даже удостоил его своей «персоной» — миниатюрным портретом, которым он награждал только за особые отличия. Геннин гордился доверием царя, и потому в предстоящем розыске можно было надеяться, что генерал не будет подвержен каким-либо другим влияниям.

В апреле 1722 года Петр вручил Геннину свою инструкцию, а сам отправился в Персидский поход. По этой инструкции Геннин направлялся на Урал для «исправления железных и медных заводов». И, кроме того, в ней был специальный пункт: «Розыскать между Демидовым и Татищевым, также и о всем деле Татищева, не маня ни для кого, и писать о том в сенат, также в Берг-коллегию и Нам».

И хотя Татищев не чувствовал за собой вины, его тогдашнее волнение являлось естественным. Ведь Геннин должен оценить его полуторагодовую работу на Урале, в которой, как и во всяком новом и сложном деле, могли быть ошибки. Ошибки, к которым теперь, после доноса Демидова, могли отнестись иначе, чем при других обстоятельствах.

А между тем слух о доносе Демидова на Татищева уже обошел Москву. И многие были уверены, что теперь Василий Татищев конченный человек — не устоять капитану против заводчика, имеющего таких могущественных покровителей, как князь Меншиков и генерал Апраксин³⁵.

Положение Татищева было неопределенным. Находясь под розыском, он в то же время оставался горным начальником, Берг-коллегия продолжала обсуждать с ним уральские горные дела. Больше того. Поскольку Геннин, по поручению Петра, занимался тогда проектом канала Москва — Волга, все хлопоты по подготовке к отъезду на Урал пали на Татищева. Он принимает мастеров, прибывших с Олонца по вызову Геннина, получает припасы и инструменты, распоряжается погрузкой стругов...

Наступает день отъезда. Так в каком же качестве он едет на Урал? Эта неопределенность тяготит Татищева, любящего во всем порядок. И перед тем как взойти на струг, он посылает в Берг-коллегию доношение, где просит «отрешить» его от горного начальства до окончания розыска. И коллегия вынуждена уже в догонку стругам послать об этом указ: «Капитану В. Татищеву быть в Си-

бири при розыске с Демидовым у генерал-майора Геннина, а у горного начальства дел ему до окончания того дела быть не надлежит»³⁶.

И опять долгий путь по воде: сначала по Оке, потом по Волге и Каме. В самом конце сентября поднялись из Камы в Чусовую, доплыли по ней до села Троицкого, а оттуда сухим путем 2 октября добрались до Кунгура. Зима запаздывала, и осень остатками лихого разноцветья продолжала еще праздновать. Что-то дрогнуло в душе Татищева при виде знакомых уральских увалов — ведь со всем этим уже связана часть его самого. И горькое чувство шевельнулось в нем — сколько времени зря пропало из-за этого дурацкого доноса...

Почти весь октябрь и ноябрь Геннин с Татищевым и Блиером осматривали медные рудники в Кунгурском уезде, побывали в Соликамске.

Горные дела на Урале не порадовали Татищева. Еще в мае берг-штейгер Патрушев писал ему в Москву: «О себе доносим: еще живы, только в печалях, что у нас не так, как было при вашем благородии... Ежели его (Михаэлиса.— И. Ш.) журнал и писание о заводском погрешении изволишь читать, то весьма познаешь, что нам не дивно его нраву дивиться. Просим помощи Божией и дарования вам здравия, дабы благоволил Бог вашему благородию к нам прибыти...»³⁷

А теперь и сам все видел и расстраивался. «Здесь горного начальства дела,— писал Татищев Брюсу в начале ноября,— с сожалением смотрю, ибо многие указы и дела, решения и исполнения требующие, лежат и исполнять некому. ...И хотя мне дела до оного не было, одна-кож! опасаясь большого непорядка, не мог удержаться, чтоб Вашему Сиятельству не донести, дабы заблаговременно определением доброго управителя вредам предлагающим предупредить соизволили»³⁸.

Осмотрев рудные места на западном склоне Урала, Геннин, теперь уже без Татищева, отправился на Невьян-

ский завод к Демидовым — начинать розыск. Но старик Никита отказался излагать свои жалобы письменно и заявил, что желает мириться с Татищевым. На что Геннин ответил, что «без воли Его величества» он мировой челобитной принять не может, поскольку послан не мирить, а «учинить розыск». Однако убедить Демидова не удалось — упрямый Никита стоял на своем. Геннину пришлось уехать из Невьянска ни с чем.

Вскоре генерал послал на Невьянский завод сержанта Украинцева, через которого повторил свое требование, но заметил при этом, что если Демидов будет отказываться от письменной жалобы, «то всяк будет мнить, что он виноват» и «на Татищева жалобу приносил напрасно».

Никите Демидову ничего не оставалось, как написать «доношение», в котором он указал две свои обиды на Татищева: что горный начальник поставил на дорогах заставы и не пропускал на демидовские заводы подводы с хлебом и что отобрал у них пристань на реке Чусовой.

Геннин начал обстоятельнейшее расследование...

Еще по дороге на Урал Татищев «заразил» генерал-майора своим проектом завода на реке Исети и убедил его не теряя времени приняться за его строительство. С первых же дней, как отметил Мамин-Сибиряк, Геннин отдавал Татищеву «надлежащее уважение, скажем больше — он подчинялся ему, где обстоятельства требовали широкого взгляда, общих соображений и смелой творческой руки». Все первые указы нового руководителя о заводе на Исети повторяли прежние распоряжения бывшего горного начальника и даже ссылались на него: сделать «по росписи Татищева»...

Последние годы среди историков Екатеринбурга — Свердловска утвердилось мнение, что Геннин построил завод на Исети совсем не на том месте, которое выбрали Татищев и уктусские мастера, а на другом. Но вот что

рассказало недавно найденное донесение Геннина в Берг-коллегию.

Сначала Геннин пишет о том, что Михаэлис, забрав «от капитана Татищева на Исети обретенное, удобное к строению завода место», перевез приготовленный им лес на речку Уктуску «выше старого Уктусского завода версты три» и начал строить там плотину. Но построить за одно лето 1722 года не успел. «И не соверша и не укрепя оную пред зимою, как надлежало, оставил». Вешние воды на следующий год снесли плотину. «А хотя бы ея,— продолжает Геннин,— и не промыло, пользы в ней не было для того, что руды, лесов и воды недостаток».

«И мню,— размышляет Геннин о причинах таких поступков чрезмерно честолюбивого Михаэлиса,— что он учинил то, хотя себя показать, что он велел делать новый завод, а на Исети место того ради оставил, что Татищев сперва нашел, расчистил и лесов наготовил, такоже и леса (Михаэлис) свозил, чтоб впредь тем Татищеву славы не допустить; но я, прибыв, осмотрел, что оное место весьма к строению удобное, призрев собственную непристойную гордость, начал зимою в марте месяце на оном месте вновь готовить и возможные работы закладывать, видя то, что хотя мужик нашел, сказал: в том моем труду и чести помешательства нет и надеются, что и яко Татищев за его доброе желание, тако и я за мой неусыпный труд и совершение онаго милости его величества не лишимся»³⁹.

Надо сказать, что на этот раз генералу Геннину и в самом деле удалось «призреть собственную непристойную гордость», что удавалось ему далеко не всегда. Н. Чупин, В. Рожков и многие современные исследователи отмечают, что в своих посланиях Петру, Екатерине и Берг-коллегии генерал присваивал одному себе заслуги не только тогда, когда они что-то совершали вместе с Татищевым, но и в тех случаях, если бывший горный начальник делал что-то один или с другими горными специалистами. Так, выбор места не только для Екатеринбургского, но и для Полев-

ского и Егосихинского заводов тоже сделан Татищевым вместе с уральскими мастерами, но Геннин, санкционировав их выбор, писал и говорил в этих случаях только о себе. Составлением всех горных проектов в 1723 году, устава горного начальства, инструкции заводским комиссарам, штатов Екатеринбургского и других заводов также занимался Татищев. Н. Чупин, хорошо знакомый с архивом Уральского горного правления, свидетельствует, что черновики подобных документов написаны рукою Татищева, на беловых же копиях, отправленных в Петербург, всегда стоит подпись одного Геннина. Особенно проявилось «яканье» генерала в его знаменитом «Описании уральских и сибирских заводов», завершеном уже в то время, когда он находился во враждебных с Татищевым отношениях. Но в 1722—1723 годах Геннин не только высоко ценил Татищева как организатора и специалиста, но испытывал к нему искреннюю симпатию.

Поскольку у Геннина было много других дел, а в Татищеве он видел человека надежного, на которого можно полностью положиться, тем более в деле, к которому он пристрастен, то строительство нового горного завода генерал почти целиком переложил на его плечи. Уже в середине декабря 1722 года Геннин писал Брюсу, что хотя «о капитане Татищеве прислан сюда... указ, чтоб ему до окончания с Демидовым (розыска) у прежнего дела не быть», но «понеже здесь людей, способных к строению заводов не имею», а Татищев «здесь о всем известен и к строению заводов, и вижу его в том радение и искусство, того ради определил я его к тому делу по указу... Однако ж я только у строения велел быть, а не в Берг-амте сидеть...»⁴⁰.

Таким образом, бывший горный начальник, находящийся под следствием, стал, выражаясь современной терминологией, чем-то вроде начальника строительства, а также, как видно из круга его забот, и главным инжене-

ром и главным архитектором строящихся на Исети завода и крепости.

Торопится, нагоняет время Василий Татищев. Днем пропадает на заснеженных берегах Исети, по вечерам сидит на Уктусе вместе с артиллерийскими учениками Клеопиным и Гордеевым над проектными чертежами плотины, заводских цехов и крепости. В январе 1723 года он уезжает в Тобольск за мастерами и материалами, договаривается о присылке на Исеть солдат...

В марте оживились многолюдьем речные берега...

«Представьте себе совершенно пустынные берега реки Исети, покрытые лесом. Весной 1723 года явились солдаты из Тобольска, крестьяне приписных слобод, нанятые мастера, и кругом все ожило, как по щучьему велению в сказке. Ронили лес, готовили место под плотину, клали доменные печи, поднимали крепостной вал, ставили казармы и дома для начальства»⁴¹.

Так писал о рождении Екатеринбурга Мамин-Сибиряк.

Нет, не по щучьему велению возникали на Исети новый завод и крепость. Рождение Екатеринбурга вовсе не походило на сказку...

Мартовская стужа сквозь легкие солдатские мундиры добиралась до костей. Командир Тобольского полка Иван Королевич доносил, что солдатам. «быть на работе весьма скудно, потому что босы и наги». Не хватало жилья, хлеба, лекарств... Быстрее, чем первые избы, росли на берегах Исети ряды могил... Будущая горная столица Урала начиналась с кладбища...

Но Татищев был и упрям, и жесток, требовал выполнения намеченных уроков во что бы то ни стало. Снисхождения он не знал. Бывший горный начальник понимал, что главным его оправданием перед царем Петром будет построенный завод. И не жалел ни себя, ни других. Чтобы установить жесткий контроль за строителями, он неделями не возвращался в Уктус, ночуя вместе с солдатами в промерзлых срубах, по утрам вскакивал раньше

всех, поднимая вместе с офицерами солдат на работу... Его фанатизм был страшен, казалось, он вытравил из себя малейшую жалость...

Уже в марте начались побегии солдат и приписных крестьян. Пойманных били батогами. Не помогало. Вскоре Геннин сообщал в Петербург, что зачинщиков побегов он приказал повесить, а если «не перестанут бегать, то и жесточе буду поступать». Бегать не перестали. В очередном донесении Геннин писал: «Собран был Тобольский полк на экзекуцию и учинена против вешения описанного, а именно: четырех человек вместо смертной казни гоняли шпицрутенами 6 раз, а ноздри не пороты. Василий Жеревцов колесован, живым поднят на колесо и в то время голова отсечена и постановлена на спицу, а Широков и Колесников повешены, а Федор бит кнутом на площади и вырваны ноздри и уши отрезаны, сослан на галеру»⁴².

Еще в феврале Геннин закончил розыскное дело и доносил Петру: «Когда Татищев здешние заводы и дистрикты не ведал и о заставах не доносил, то свободно было тайными дорогами с заповедными товары и с прочими съестными припасы без выписей и не заплатя пошлин на Демидовы заводы приезжать, как и ныне явилось; а как пресекалось, то стало тем мужикам досадно, и жаловались Демидову иное вправде, а более лгали, чтоб таким крепким заставам не быть; а Демидов мужик упрям, видя, что ему другие стали в карты смотреть, не справясь, поверя мужицкой злобе, жаловался для того; до сего времени никто не смел ему, бояся его, слова выговорить, и он здесь поворачивал как хотел.

Ему не очень мило, что вашего величества заводы stannoт здесь цвеств, для того, что он мог больше своего жезла продавать и цену наложить как хотел, и работники бвольные все к нему на заводы шли, а не на ваши; а понеже Татищев по приезде своем начал прибавливать или стараться, чтоб вновь строить вашего величества заводы, и

хотел по горной привилегии поступать о рубке лесов и обмежевать рудные места порядочно: и то ему також было досадно и не хотел того видеть, кто б ему о том указывал.

И хотя прежь сего до Татищева вашего величества заводы были, но комиссары, которые оные ведали, бездельничали много, и от заводов плода почитай не было; а мужики от гагаринских комиссаров раззорились, и Демидову от них помешательства не было и противится ему не могли, а Демидов делал, что он желал, и, чаю, ему любо было, что на заводах вашего величества мало работы было и опустели.

Наипаче Татищев показался ему горд, то старик не залюбил с таким соседом жить и искал, как бы его от своего рубежа выжить, понеже и деньгами он не мог Татищева укупить, чтоб вашего величества заводам не быть.

Ему же досадно было, что Татищев стал с его спрашивать от железа десятую долю.

Ваше величество изволили мне дать от гвардии сержанта Украинцева, чтоб без бытности моей быть ему над всеми заводами директором, и хотя он человек добрый, но не смьслит сего дела, и десятеро в Украинцева меру не смьслят. Того ради вашему величеству от радетельного и верного моего сердца, как отцу своему, объявляю: к тому делу лучше не сыскать, как капитана Татищева, и надеюся, что ваше величество изволите мне в том поверить, что я оного Татищева представляю без пристрастия, не из любви или какой интриги, или б чьей ради просьбы, я и сам его рожу калмыцкой не люблю, но видя его в том деле весьма права и к строению заводов смьсленна, рассудительна и прилежна; и хотя я ему о том представлял, но он мне отговаривается, что ему у того дела быть нельзя: первое, что ваше величество имеет на него гнев и подозрение, которого опасаясь, смело, как надлежит (действовать), не посмеет и чрез то дело исправно не будет; також ежели он не увидит вашей к себе милости, то нет надежды уповать за труд награждения, и особливо в таком отдалении,

где и великого труда видеть не можно, ежели не через представительство других получить. Третье, ежели на Демидова управы учинено за оболгание не будет и убытки его награждены не будут, то и впредь с ним будет во вражде и беспокойстве, чрез что пользе вашего величества не без вреда быть может и сих ради причин он, Татищев, быть здесь охоты не имеет. Пожалуй, не имей на него, Татищева, гневу и выведи его из печали и прикажи ему здесь быть обер-директором или обер-советником»⁴³.

Геннин полностью оправдал Татищева, несмотря на то что Демидов и его покровитель адмирал Апраксин ожидали обратного. А ведь адмирал был старым другом самого Геннина. Последний всегда обращался к нему в затруднительном положении, жаловался на свои беды, выпрашивал через него награды и подарки и обязан был адмиралу многим. А тут вдруг Геннин сообщил Апраксину: «Демидова розыск на Татищева закончился. А что он на Татищева доносил, на оном розыск не доказал или Татищев умел концы схоронить (последнее выражение явно уступка Апраксину). И, чаю, тем не мог угодить Демидову... не всем и Христос угодил. Однако я делал правду перед богом и его величеством»⁴⁴.

Но Апраксин обиделся на Геннина и перестал отвечать на его письма...

Окончательное решение по делу должен был вынести Высший суд, а пока Татищев распоряжением Петра был оставлен при Геннине.

Между тем на Исети возводилась крепость, а в ней горная канцелярия, церковь и другие строения. Летом здесь работало уже несколько тысяч человек. Пожалуй, после Петербурга не было в России стройки крупнее. Недаром Геннин просил назвать новостроящийся город и завод именем императрицы и получил на то разрешение.

В июле всех людей бросили только на плотину — ее обязательно нужно было закончить до наступления зимы.

7 сентября Геннин уже доносил Петру: «Против при-
сланного чертежа крепость Екатеринбург достроена, а в
ней упомянутые заводы, фабрики и мануфактуры и мед-
ная плавильная... хотя многие строения надеюсь нынеш-
ней зимой привести в действие, а прошедшей недели, с по-
мощью божей и твоим счастьем, такую великую плотину
заперли и вода в пруд пущена; изрядно устояла»⁴⁵.

Когда стройка на Исети набрала нужный темп, Геннин
послал Татищева на речку Егошиху «заводить» новый
медный завод — будущую Пермь⁴⁶.

10 июня Татищев выехал из Уктуса. По дороге не
утерпел — стал, как всегда, вмешиваться в разные дела.
В Уткинской слободе распорядился начать добычу мрамора.
Убеждал татар и черемис построить на кунгурской
дороге избы для проезжающих и содержать перевоз через
реку Бисерть. В Кунгуре, обнаружив, что из школы раз-
бежалось много учеников, послал солдат вернуть прогуль-
щиков. Узнав, что церковные служители не хотят отда-
вать своих детей в школу, написал гневное письмо кун-
гурскому протопопу...

Наконец, знакомое место на Каме, там, где в нее впа-
дает речка Егошиха. Еще в 1720 году Татищев с Блиером
наметил поставить здесь медеплавильный завод, велел ко-
пать на Мулянке руду. Осенью 1722 года Геннин одобрил
их выбор, и тогда же в Кунгуре под барабанный бой при-
зывали всех желающих для нового завода «кирпичи и
уголь ставить и анбары строить подрядом».

В марте 1723 года крестьяне уже расчищали устье
Егошихи до «места, где будет строиться завод». Когда
сошел снег, принялись за плотину.

Татищев нашел, что стройка ведется «весьма непорядочно». Он обнаружил недостатки в устройстве вешняка и в креплении свай. Особенно рассердило его то, что плотину заложили не в том месте, которое наметили они с Бли-

ером, а там, где «для строения весьма узко» и берега неровны, поэтому «много гор с обеих сторон окапывали и тою землею неровности наполнили».

Василий Никитич сам снял план местности и сделал чертежи будущему заводу и строениям. Через месяц он уже писал Геннину, что стройка идет полным ходом.

В конце июля Татищев выехал из Егошихи под Соликамск — достраивать Пыскорский медный завод, который никак не мог закончить Михаэлис. Геннин разрешил Татищеву вести стройку «по своему усмотрению, как наилучше».

На Пыскорском заводе Татищев получил радостную для себя весть. Геннин выслал ему копию письма-указа царя Петра:

«Господин генерал-майор.

Письма твои до нас исправно дошли, по которым уведомилась о состоянии новых медных и железных заводов, и за труды ваши вам благодарствуем. А что по се время на те ваши письма не ответствовали и то случилось за нашими недосугами. Что же пишете о сержанте Украинцеве, что при тех заводских делах быть незабычен и чтоб у того дела быть по прежнему Татищеву, ибо он по делу с Демидовым явился прав, того для онаго Татищева определили к тем делам...

Петр.

В 16 день июля с корабля Екатерины от Регервика»⁴⁷.

20 сентября Татищев выехал из Пыскорского завода в Екатеринбург, но по дороге еще раз свернул на Егошиху, сделав там некоторые распоряжения. Здесь уже успели закончить плотину, поставили плавильню с шестью печами, амбары для руд и припасов, заводскую контору и для приезжих начальников две светлицы, да семь квартир для служителей и мастеровых. На угоре сверкала свежими бревнами крепость с четырьмя бастионами...

С начала октября Татищев снова в Екатеринбурге. Теперь он уже как полноправный член Сибирского обербергамта (так Геннин стал называть горную канцелярию) составляет заводские штаты, «Наказ» управителю нового Екатеринбургского завода, хлопочет на пуске первых молотовых...

И одновременно готовится к отъезду в Москву для решения уральских дел. Кроме того, ведь должен состояться Высший суд...

24 ноября 1723 года в день именин царицы Екатерины Алексеевны праздновали и именины новорожденного города Екатеринбурга. С бастионов палили пушки. Прямо на площадь выкатили бочки с вином. Платил за всех Василий Татищев.

Сразу же после праздничных торжеств он выехал в Москву.

В МОСКВЕ И ПЕТЕРБУРГЕ

С присущим ему усердием и деловитостью занимается Татищев уральскими делами и в старой и в новой столице. Он атакует Берг-коллегию все новыми и новыми требованиями. Докладывает о заводских нуждах самому императору, передает ему просьбы Геннина, вносит свои предложения. Петр слушает его внимательно — последнее время горное дело все чаще в центре его забот.

Вскоре Петр сделал Берг-коллегию самостоятельной, отделив от нее Коммерц-коллегию, он часто встречается с горным президентом Брюсом, отвечает на многочисленные и многословные письма Геннина, не оставляя без внимания ни одну его просьбу, одновременно подгоняя его. На что добросовестный генерал вынужден был ответить: «...хотя я в трудах разорвуся, однако заводы новые, железные и медные, не могу скорее строить» — и ссылался на недостаток «искусных людей в горном заводском деле»⁴⁸.

Татищев знал об этом не хуже Геннина и в феврале 1724 года во время поездки с царем на Олонецкие заводы и Марциальные воды предложил ему привлечь к освоению рудных богатств Урала новых промышленников.

Как позднее писал сам Татищев, царь «принял за благо» его проект.

Василий Никитич забрасывает сенат и Берг-коллегию и другими проектами: об организации почты, об «учинении фабрики инструментов» и других ремесел на Урале. Он едет на Олонецкие заводы и подбирает там мастеров для уральских рудников и заводов.

В конце мая 1724 года сенат принимает указ, который гласит, что по повелению императора «от артиллерии капитану Василию Татищеву быть советником от Берг-коллегии в Сибирском горном начальстве»⁴⁹.

Но на Урал Татищев на этот раз так и не вернулся. Он снова попадет туда только через десять лет, и хотя все это время он занимался самыми разными делами, но постоянно был связан с уральскими делами и заботами.

Почему же, несмотря на указ сената, Татищев не уехал на Урал?

Виноват в этом был сам император.

Как мы уже говорили, после суда Петр I приблизил к себе Татищева, увидев в нем человека, который хорошо понимал его замыслы и был способен их осуществлять. Поэтому и не отпустил вопреки сенатскому указу на Урал, а стал вводить в круг своих главных идей и начинаний.

О чем только не говорили они в последний год жизни императора! Об Академии наук и о промышленности, о монетном деле и торговле...

Одной из частых тем их разговоров была русская история и география. Петр сам интересовался прошлым России, заботился о собирании и сохранении исторических рукописей и памятников, мечтал увидеть «полную историю России». Он не раз спрашивал Татищева о его

исторических изысканиях, и Василий Никитич обещал императору возобновить прерванные занятия. Он старательно собирал исторические документы и книги, намереваясь взять их с собой на Урал, где, как он говорил Петру, «могу удобнее сочинить, ибо прежде времени никто сведать и злостию превреждать не может».

Ученые занятия сблизили Татищева с архиепископом Феофаном Прокоповичем. Феофан тоже занимался историей, составил каталог великих князей и царей русских от Рюрика до Петра с кратким описанием их значительных дел. Перед Персидским походом Петр поручил Прокоповичу написать историю своего царствования. У архиепископа была богатейшая библиотека книг и рукописей.

Их сблизила не только история. Они оказались единомышленниками, и прежде всего по отношению к реформам Петра. Оба относились к самым искренним его помощникам.

Конечно, они во многом были и не схожи. Но их тянуло друг к другу и желание поспорить, возможность интеллектуального фехтования.

Деятельность Феофана Прокоповича выходила за церковные рамки. По поручению Петра он пишет не только богословские трактаты, но и светские сочинения, предисловия к разным переводным книгам, иллюстрирует указы царя примерами из истории.

Феофан чутко прислушивался к жизни и смело шел на изменение старых церковных догматов. Когда Татищев сообщил с Урала, что пленным шведам, которые работают на рудниках и заводах, не разрешают жениться на русских женщинах из-за разности веры, то Прокопович провел через синод закон, который разрешал брак православных с иноверцами, причем для его обоснования написал целый научный трактат с примерами из истории и ссылками на учения апостолов и святых отцов.

Нередко бывая в доме архиепископа, Татищев ввязывался в светские и богословские дискуссии, высказывая

порой довольно смелые для того времени мысли. И. Голиков приводит эпизод, который, возможно, произошел в доме Феофана. Татищев, «будучи в одной компании, говорил слишком вольно насчет преданий церковных, относя оное к вымыслам корыстного духовенства, причем касался в ироническом тоне и неких мест святого писания».

Петру немедленно донесли об этом, и он на следующий же день призвал Татищева к себе для объяснений. Вольнодумец, очевидно, не только не стал оправдываться, но начал защищать свое мнение, чем и вывел императора из себя. Схватив свою знаменитую дубинку, Петр стал колотить Татищева, приговаривая: «Не соблазняй верующих честных душ, не заводи вольнодумства, пагубного благоустройству. Не на тот конец старался я тебя выучить, чтоб ты был врагом общества и церкви!»

Петра не интересовала суть вольнодумных мыслей Татищева. Он упрекал его не за «ложность» взглядов, а за то, что «ослаблял струну, которая составляла гармонию всего тона», за то, что разрывает «цепь, все в устройстве содержащую», соблазняет своим вольнодумством других верующих.

И как ни парадоксально, эпизод с дубинкой лишний раз подтверждает хорошее отношение Петра к Татищеву. Далеко не каждый из окружения удостоивался царской дубинки — это был знак близости и доверия к наказуемому. В последние годы Петр все меньше наказывал лично, стараясь поднять авторитет своих судебных органов. И его дубинка опускалась только на того, кем он особенно дорожил. Поэтому побитые царем вспоминали об этом не только без горечи, но как об особой милости даже тогда, когда считали себя наказанными незаслуженно.

Среди своих научных и прочих занятий Татищев не забывал и об Урале. 7 сентября 1724 года он подает в Берг-коллегию новый план — «ведомость» о нуждах уральских заводов. Кроме всего прочего он предлагает пригласить на Каменный Пояс шведских горных мастеров и од-

новременно послать в Швецию «для обучения горным делам из русских молодых людей, знающих геометрию»⁵⁰.

Предложение Татищева заинтересовало Петра, а потому дело пошло быстро. Уже на следующий день — 8 сентября — Берг-коллегия обратилась в сенат, чтобы для посылки в Швецию выделили адмиралтейских и артиллерийских учеников.

1 октября появился указ Петра сенату о посылке в Швецию советника Берг-коллегии Татищева.

Казалось бы, при остром дефиците толковых работников целесообразнее было пристроить Татищева сразу к делу. Но у Петра был дальний прицел — подготовить из Татищева государственного деятеля, причем деятеля широкого профиля и высокого ранга, ибо цель поездки не просто «повышение квалификации узкого специалиста». Об этом говорит инструкция, данная самим Петром.

В Швеции Татищев должен был ознакомиться с горными промыслами, денежным делом и «протчими мануфактурами», т. е. со всей шведской промышленностью; нанять для работы в России шведских мастеров и устроить для обучения русских учеников; познакомиться с работой королевской Академии и библиотек. И, кроме того, были «секретные дела»: «смотреть и уведомиться о политическом состоянии, явных поступках и скрытых намерениях оногo государства». Причем «сие его величества повеление было словесное», — писал потом Татищев⁵¹.

Подготовка к отъезду была, как всегда, обстоятельная. Татищев проводит смотр учеников артиллерийской и инженерной школ, посещает Морскую академию.

Петр через сенат торопит русского посланника в Швеции Михаила Бестужева, чтобы тот успел к приезду Татищева договориться обо всем со шведским правительством, требуя, чтобы посланник оказывал горному советнику всяческую помощь в порученной ему «комиссии».

Царь торопит и Татищева — среди «секретных дел» было и еще одно. Петр собирался выдать свою дочь Анну

Петровну за сына старшей сестры Карла XII — голштинского герцога Карла Фридриха, который мог претендовать на шведскую корону. И Татищев должен был содействовать этому, связавшись с голштинской партией в Швеции.

В начале ноября Татищев выехал из Петербурга, захватив с собой только одного ученика — своего родственника Андрея Татищева.

ШВЕДСКИЙ ВОЯЖ

Официальный Стокгольм встретил Татищева неприветливо. Правда, шведские министры, с которыми его познакомил Бестужев, были любезны и изысканны, много обещали, но он чувствовал, что все это пустые слова. Министры явно боялись (и не напрасно), что очень скоро Россия может вытеснить шведское железо с европейского рынка. Поэтому они под разными предлогами откладывали решение вопроса о мастерах и учениках.

Но Татищев не терял времени даром. С более искренним доброжелательством его встретили в королевской Академии. И в этом немало помог Филипп Страленберг, с которым Василий Никитич познакомился еще в Тобольске в 1721 году. Находясь в плену, Страленберг с увлечением занимался сибирской историей, этнографией и географией и теперь писал книгу о Сибири. Он ввел Татищева в круг шведских ученых — Генрика Бреннера, Эрика Бенцелиуса, Эрика Биорнера...

Уже через десять дней после приезда в Стокгольм Татищев сообщал секретарю царя Черкасову, что в Упсальской королевской библиотеке «множество российских древних гисторий и протчих полезных книг обретается». «И ежели б его величеству угодно явилось, — писал он дальше, — я надеюся такова человека сыскать, который

бы оное собрал в порядок, ибо имею приятелей из знатнейших здешних профессоров и гисториков»⁵².

Удачи перемешивались с неудачами. К неприятностям со шведскими министрами добавилась еще и простуда. Василий Никитич занемог, хотя и не прекращал работы. Но среди хлопот, радостей и огорчений он совсем не представлял, какой страшный удар его ожидает.

И этим ударом была смерть Петра 28 января 1725 года.

Несмотря на то что было прервано всякое почтовое сообщение, известие о смерти русского императора молниеносно облетело шведскую столицу.

Для Татищева эта весть была потрясением. Горе подкосило его. Ослабленный болезнью, Татищев надолго слег в постель. Может быть, единственный раз за свою жизнь он забыл о делах. Несколько недель он совершенно ничего не делает, не шлет официальных донесений и не пишет частных писем. Все чувства, все мысли сосредоточены только на Петре. Ни о чем другом он не мог больше думать. Он сравнивает его со всеми смертными мира и никого не может поставить рядом с ним.

И теперь Петра нет. Не стало человека, с делами и планами которого Татищев связывал свою настоящую и будущую жизнь.

Скоро из Петербурга пришла весть: на престоле жена Петра — императрица Екатерина I.

«В прошлое воскресенье, — доносил Екатерине Бестужев, — собрався в церковь со всеми здесь вашего величества Российского народа подданными, присягу учинили... Только один берграт Татищев в церкви подписывать не хотел и сказал мне, что он дома подпишет, а чего ради он в церкви подписывать не хотел, как все другие подписались, ведать того не могу. На другой день послал я к нему канцеляриста Мальцева, дабы (дал) он мне ту присягу для отсылки в коллегию иностранных дел, на что он ему отвечал, что он сам ту присягу в Берг-коллегию от-

правит. Я сим его ответом не удовольствовался, сам к нему ездил и оной присяги от него требовал, который на силу с великим трудом обещал оную ко мне прислать, а мне тогда мне оной не отдал. Однакож третьего дня ко мне ту присягу прислал...»⁵³.

Пожалуй, это один из самых загадочных поступков в жизни Татищева. Что заставило его решиться на такой дерзкий и опасный шаг, как отказ подписать присягу новой императрице?

Считал ли он свое одобрение воцарению Екатерины — женщины, не имевшей ни государственного ума, ни образования, ни характера, — изменой заветам Петра? И потому, безрассудно отдавшись во власть чувств, не взвешивая последствий своего поведения, отказался подписать присягу.

Или это было лишь расчетливое выжидание: ведь Екатерина не имела законного права на престол, а потому ее окончательное воцарение в ближайшее время могло и не состояться?

В марте 1725 года, оправившись от нервного потрясения и болезни, Татищев начинает знакомиться с горнозаводской промышленностью Швеции. Он целиком уходит в работу, совершенно не оставляя себе времени для горестных переживаний. Он посещает серебряные копи, медные и железные рудники, горные заводы, денежные дворы, осматривает каналы, шлюзы, верфи, встречается и беседует с крупными шведскими инженерами. Снимает чертежи с машин, вникает в технологию, изучает денежную систему, анализирует экономическую и торговую политику шведского правительства⁵⁴.

Татищев проводит настоящее социологическое исследование. По его многочисленным донесениям, письмам, «дневниковым записям» можно составить разностороннюю и глубокую характеристику шведской экономики того времени.

С присущей ему тщательностью вникает он во все де-

тали, стараясь ничего не пропустить. В Фалуне его настойчиво отговаривали от посещения рудников, где были часты обвалы с жертвами. Но он, выдав «письмо обязательное» в том, что его обо всем предупредили, все-таки спустился в шахту.

В ходе изучения он сразу же вносит практические предложения: купить у шведского механика «водоливную машину» для откачки воды на кораблях, организовать в Екатеринбурге производство медных плат, послать в Швецию механика Андрея Нартова...

Осмотрев Швецию, Татищев пишет в Берг-коллегию и Екатеринине, что Петр перед отъездом советовал ему «для лучшего понятия и разсуждения осмотреть также саксонские заводы», и просит послать его в Саксонию⁵⁵. Но эта просьба, как, впрочем, и другие, не находит поддержки у Екатерины. Императрице не до горного советника — у нее другие заботы. Да и стоит ли прислушиваться к предложениям и просьбам человека, который отказывался ей присягнуть. И когда ей докладывают, что «обретающийся» в Швеции Татищев предлагает купить машины «весьма государству полезные», заказать чертежи заводов и шахт, приобрести книги и рукописи по истории России... она на все отвечает отказом. Только один раз дает императрица положительный ответ — на предложение Татищева наградить шведскую поэтессу Софию Бреннер за «вирши» о короновании.

Неоднократные и настойчивые предложения и просьбы Татищева нигде не находят поддержки. Даже на своего главного покровителя Брюса, который был «к пользе российской во всех обстоятельствах ревнивый рачитель», не может он теперь опереться. После смерти Петра его бывшие соратники, уже не чувствуя твердой объединяющей их руки, перегрызлись между собой в борьбе за власть. Не желая участвовать в этой грязной придворной возне, Брюс отошел от дел, подал в отставку и уединился в усадьбе, предавшись своим научным занятиям.

Тогда Татищев обращается к Геннину на Урал, но вскоре узнает, что генерал в Петербурге. Он шлет ему в столицу письмо за письмом, умоляя о помощи и поддержке. «Во вспомощении мне для пользы государственной,— пишет он начальнику уральских заводов,— великую на вас надежду имею и прошу, дабы вы изволили и в коллегии напечатать, чтоб не медлили решением на мои доношения»⁵⁶.

Но Геннин и хотел бы помочь, да сам оказался в затруднительном положении. После смерти Петра на него тоже не обращали внимания в Петербурге.

Поскольку сама императрица не придает почти никакого значения миссии Татищева в Швеции и не реагирует на его просьбы и предложения, то меняет свой тон и Берг-коллегия, тем более что в ней уже нет Брюса. Василию Никитичу не только не отвечают на многие его доношения (а если и отвечают, то не по существу), но и задерживают деньги на деловые расходы. Даже жалованье, причем гораздо меньшее, чем было обещано при Петре, высылается крайне неаккуратно. Поэтому жалобы на безденежье полны все письма Татищева.

А деньги нужны на многое. Невозможно нанять мастеров «без довольных подарков», так как на это нет официального разрешения шведского правительства.

Деньги нужны на покупку чертежей машин, от которых Татищев прямо-таки в восторге («дивиться миру надобно») и которые, он считает, обязательно нужно «к великой корысти государственной в России употребить». «Ежели б я имел деньги оные купить, воистинно для пользы отечества... не жалел бы всего имения положить». И он все-таки покупает некоторые чертежи, хотя коллегия и отказывается утвердить эти расходы, торопит его с завершением всех дел и возвращением в Петербург «для отправления на Сибирские заводы, понеже обретающагося ныне в Пермском Берг-амте советника Михаэлиса указом сенатским повелено взять в Петербург»⁵⁷.

Но Татищев еще не закончил многих дел. И не по своей вине. Шведские министры, боясь, что русские, «обучаясь здесь, весьма их железный торг не повредили», всячески мешали миссии Татищева. В найме мастеров в Россию было категорически отказано. Только одного гранитного мастера Рефа удалось Татищеву отправить в Екатеринбург. Разрешения на обучение русских учеников пришлось добиваться у самого шведского короля. Когда ученики прибыли в Стокгольм, Татищев сразу же занялся их устройством по заводам и рудникам. Он ездит по городам Швеции, заключает контракты с мастерами, устраивает ученикам жилье, следит за их учебой.

Еще и еще раз приходится удивляться широте интересов Татищева. Ему узки рамки инструкции, и он с жадностью набрасывается на все, что находит полезным для России. Несмотря на то что Берг-коллегия не раз выражала недовольство его занятиями «посторонними» делами, это не охлаждает его страсть и он усиленно продолжает свои научные занятия. Он общается со шведскими академиками, устанавливает через них связь с берлинским филологом Леонардом Фришем, при посещении Копенгагена «имел случай со многими учеными разговаривать и потребные книги достать».

По собственной инициативе он составляет примечания ко всем статьям о России в «Лексиконе...» историка Гибнера. В этих примечаниях, как отмечал Страленберг, «очень много интересного; в словаре не осталось ни одной статьи, в которую Татищев не внес бы свои исправления»⁵⁸.

Татищев знакомится в Стокгольме с известной шведской поэтессой Софьей Бреннер и уговаривает ее написать поэму о Петре I. Он составляет для нее «Краткое изъятие из великих дел Петра Великого...» и рассказывает ей об императоре.

Он исследует шведские архивы и библиотеки в поисках материалов по русской истории, неоднократно предлагает

Кабинету императрицы приобрести книги и рукописи, относящиеся к России.

Здесь в Стокгольме Татищев пишет и публикует на латинском языке свою статью о мамонтовых костях, обнаруженных им в Кунгурской пещере на Урале. Это единственный научный труд, увидевший свет при его жизни, да и то не на родине и не на родном языке.

Татищев сделал в Швеции все, что мог сделать энергичный и добросовестный человек на его месте. Теперь можно выезжать в Россию. Тем более что Берг-коллегия еще в августе потребовала его возвращения, а в сентябре об этом же был указ из Кабинета императрицы русскому посланнику в Швеции, который должен присматривать за учениками вместо горного советника.

Но для того чтобы выехать из Стокгольма, нужно расплатиться по контрактам с мастерами и отдать личные долги. А денег нет ни копейки. Получил же он их из Берг-коллегии после многих просьб только через несколько месяцев.

12 мая 1726 года Василий Никитич покинул Стокгольм.

ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ

Россия, наконец-то! Снова Петербург — символ великих дел преобразователя...

Но чем больше всматривался Василий Татищев в придворную жизнь, тем сильнее его разочарование — всюду видел он развал петровских начинаний... Хотя Екатерина и заявила о продолжении дел Петра, но ни у нее, ни у окружающих престол людей не хватало уже ни сил, ни энергии. Все как бы расслабилось после большой напряженной работы. Предоставив правление страной Меншикову, сама Екатерина мало занималась делами, проводя дни и ночи в развлечениях.

Сразу же после приезда Татищев засел за отчет о поездке. Он приводит в порядок свои заграничные записи, тщательно продумывает предложения: все ценное, что он увидел в Швеции, должно появиться и в России. Он составляет сразу два отчета — один для Берг-коллегии, с упором на горные дела, другой для императрицы.

Кроме деловых были и личные заботы. И не из легких. Нужно было выйти из денежного кризиса и вернуть массу долгов. Берг-коллегия не оплатила многие его расходы и не собиралась этого делать. Его обоснованное прошение о доплате ему 1577 рублей больше года ходило по инстанциям, дошло до сената, но так и осталось без резолюции. Денег ему не выплатили. И не только потому, что не хотели, но и потому, что не могли — казна была пуста: за последний год своего царствования Екатерина истратила на свои личные причуды в сто раз больше годового расхода двора при Петре.

На доходы от имения тоже нельзя было рассчитывать. Собственно, имения не было. И виновата в этом была его жена.

Отношения с Авдотьей Васильевной осложнились у Василия Никитича еще перед отъездом в Швецию. Очаровательная красавица оказалась легкомысленной и совершенно чуждой ему женщиной, которая не проявляла никакого интереса к его делам и занятиям. Она родила ему дочь и сына, но это не сблизило их. Наоборот, чем дальше, тем отчужденнее становились супруги.

Вернувшись из Швеции, он узнал, что жена пристрастилась к вину. Ходили сплетни о ее любовных приключениях. Во время его отсутствия она продала многое из имущества, даже вещи его брата Ивана, хранившиеся в думе. Мало того, она продала без разрешения и имение, то самое, которым Татищев гарантировал оплату своих долгов русскому посланнику в Швеции!

Нужно было искать какой-то выход. И Василий Никитич вспомнил о Демидовых, о том, что они за свой лож-

ный донос должны оплатить все его потери за время следствия. Сам старик Никита умер в 1725 году, вскоре после Петра. Главным наследником стал Акинфий, который считался теперь одним из самых богатых людей России.

Татищеву было обидно — и он работал не хуже Акинфия Демидова, а оказался почти нищим. Нет, будет справедливо, если заводчик заплатит ему за убытки, понесенные им от доноса.

Вспомним, что по приговору Высшего суда Татищев был полностью оправдан, а на Никиту Демидова за ложный донос наложили огромный штраф в 30 000 рублей. Петр I, однако, приказал отложить окончательное решение о наказании заводчика до приезда с Урала Геннина. Генерал, прибывший в Петербург уже после отъезда Татищева за границу, был снисходителен к Демидовым и высказал мнение, что хотя уральские магнаты при их богатстве и могут выплатить такой «великий» штраф, но государству выгоднее, если они используют эти деньги на строительство новых заводов. От штрафа Демидовых освободили, но они должны были заплатить Татищеву за напрасную обиду.

Вспомнив об этом, Татищев в июне 1726 года подает на имя императрицы прошение, напоминая о решении Высшего суда...

Акинфий Демидов — князю Меншикову. 15 февраля 1727 года:

«Писали ко мне Санкт-Петербургские прикащики мои, что берг-советник Василий Татищев подал ее и. в-ству челобитную, возбуждая паки то дело, которое было со отцем моим Никитою Демидовичем в сущей нелицемерной нашей правде как предстати судищу Христову, отвращая от народного разорения и завоцкого опустения: токмо до ныне оной Василий Татищев желает со мной помиритца и

просит две тысячи рублей; но однакож, хотя совесть меня к тому и понуждает, понеже как вашей высококняжей светлости известно, что стал я одинок и здешних заводов положить не на кова, к тому ж я весьма к таким делам не заобычен, и ежели мне за приказными делами бродить, то, конечно, во всех моих заводских промыслах учинится остановка и разорение; ибо заводы, яко детище малое, непрестанного требуют к себе доброго надзирания, токмо я под таким сомнением остаюсь, понеже который приговор до мнения господина генерал-майора Геннина в Вышнем суде и учинен и в том того не показано, чтоб ему, Василью Татищеву, какую награду учинить, но однакож в сем на высокое вашей княжей светлости отеческое милосердие полагаюсь, как ты, государь, о сем соизволишь, хотя ему что и дать — быть так, что нам от них терпеть, ибо на них и работаю, которое за благодарением бога моего и терпети понуждаюсь...»⁵⁹

Акинфий Демидов — князю Меншикову. 18 апреля 1727 года:

«В благодарении содетеля моего бога остаюсь, что с господином советником Татищевым в происшедшем между нами деле состоялся мир...»⁶⁰

С Демидовым Татищев наконец-то помирился, но его отношения с Берг-коллегией оставляют желать много лучшего...

Как мы уже знаем, еще при Петре Татищев указом сената направлялся снова на Урал. Он связывал с Уралом свою дальнейшую судьбу и добросовестно готовился к этой поездке. И в Петербурге и в Швеции он постоянно работал для Урала, заботился о горной и заводской технике, готовил людей, обдумывал и вынашивал свою программу освоения и изучения края. Поездка Геннина считалась временной, и Татищев наметил свой план организации горного дела на Урале.

Но Геннин, забытый и обиженный в начале царствования Екатерины, вскоре был обласкан, щедро награжден

и указом от 3 июня 1725 года снова отправлен на Урал. Теперь Татищев должен был ехать туда не главным горным начальником, а помощником Геннина.

Такой вариант не устраивал Василия Никитича. И не только из-за самолюбия. Он отлично понимал, что при Геннине он не сможет действовать самостоятельно и осуществлять свою программу, быть же только исполнителем приказов он не хотел.

Поэтому Татищев меняет свои планы. Он обращается к императрице через кабинет-секретаря Черкасова с письмом, в котором вспоминает о намерении Петра определить его к межеванию земель в государстве и к «сочинению обстоятельной Российской географии с ландкартами», и просит поручить ему эту работу теперь. Как всегда, он аргументирует и обосновывает свое предложение, доказывая, что исполнение намерения Петра принесет стране огромную пользу и потому «за великое дело почитаемо быть может».

Ответа на свое предложение Татищев не получил.

А вскоре Берг-коллегия вновь приговорила: Татищеву «без продолжения времени» подать отчет о деятельности в Швеции и отбыть в Екатеринбург к Геннину.

Но к Геннину он ехать не хочет, а потому подает императрице новый проект. Проект о сибирских дорогах. Он не отказывается ехать на Урал и в Сибирь, но ищет себе самостоятельную работу.

«Повелено мне,— обращается он в прошении к Екатерине,— быть в Сибири. И понеже я, быв в оной губернии чрез четыре года, имел известия о разных рудах и минералах, також и о различных потребных каменьях, а особливо в провинции Даурской находятся медные весьма прибыточные руды, яшма светло и темно зеленые, которых горы великие суть. Находят же тамо по рекам и городам много число зеленой яшмы с красными крапинами куски не малые и знатно негде от гор падают; також красных и белых сердоликов, цветных агатов, кальцедониев и других

тому подобных твердых и узорчатых каменьев, которые б не токмо потребность вашего императорского величества ко украшению строений и всего русского народа употребления удовольствовать могли, но из государства возможно бы довольное число продавать...»⁶¹

О камнях Василий Никитич нарочно так расписал — знал, жадна Екатерина к украшениям. Да и о новом источнике дохода для двора тоже не зря намекнул — авось ухватятся. Добавил и о других, более «прозаических» богатствах сибирских недр — свинце, селитре и прочем, но все это «богатство остается тщетно», ибо дороги к ним «весьма в худом состоянии».

И предлагает императрице советник Василий Татищев.

Первое. Через озеро Байкал, «где путь в Китай и из Китая», товары возят в дощаниках и лодках, и им из-за ветров частые остановки, да и товары часто гибнут. А «ежели в. и. в. повелите послать туда мастеров и матрозов, чтоб сделать четыре домшоита для перевоза товаров и два бота или буера для нужных ездаков, то с охотою всяк с товаров от пуда по десяти, с человека по 20 копеек платить будет.

Для покоя же проезжающих на обоих устьях построить хорошие гостиницы и отдать на откуп, то уповаемо, что положенное иждивение в год или два возвратится, а купечеству и всем проезжающим великие трудности и убытки отъимутся».

Второе. «На реке Ангаре множество порогов, а между оными Падун и Симанский труднейшие, ибо для широты очень мелки и каменья валючего много, для которого из судов выбирая, все товары обносят берегом, а суды порожию с трудом проводят...

А ежели повелено будет из тех порогов вредительнейшие каменья выбрать и в тех местах реку неколико по прямизне теми же каменьями съюзить, а береги очистя, сделать добрые дороги и поставить гостиницы, где також положенные расходы нагрядятся вскоре».

Третье. Расчистить и вымостить Маковский волок от Енисейска до реки Кети.

Четвертое. От Кети до Тобольска вместо «досчаников» пустить эверсы — суда лучшей конструкции.

Пятое. «Сухой путь из России в Сибирь и чрез всю Сибирь так далек, что вдвое или более нежели ему быть можно». Татищев предлагает две новые трассы сибирских дорог и «чтоб по дороге верст по двадцати разстоянием стоялые дворы добрые были построены, а жители к таким дорогам, ежели токмо позволено будет, населятся самохотно в скорости, понеже оные пустые места для изрядных положений многие сибирские места превосходят».

«Токмо для того дела,— заканчивает Татищев свое письмо к императрице,— надобно определить человека особного с добрыми помощники, дабы без обиды обывателей и надмеренных расходов по надлежащему сделали...»⁶².

Татищев не предлагает прямо себя «для того дела», но надеется, что если проект одобрят, то исполнителем его будет автор.

Нет, не искал себе легкой жизни Василий Татищев. Хотя, сказать по правде, и «хитрил» немного: не только дороги собирался строить он в Сибири, но и писать сибирскую географию, раз не разрешили специально ею заниматься. А работать за двоих, за троих ему не впервые...

Но и этот проект постигла судьба предыдущих — его оставили без внимания.

Пока же Татищев ждал рассмотрения проекта, продолжал отбиваться от Берг-коллегии. И составил даже целое доношение, в котором доказывал, почему свою поездку в Екатеринбург «за неспособну находит».

Но члены коллегии, раздраженные его строптивостью и отговорками, в отместку за его упрямство и неподчинение приговорили послать его вместо Екатеринбурга на Нерчинские серебряные заводы и просили сенат утвердить их решение.

Такого поворота Татищев не ожидал. Новое назначение походило на ссылку и означало крах всех его планов.

И он начинает действовать.

Он шлет челобитную императрице, где перечисляет все свои «услуги государству» и просит не посылать его на Нерчинские заводы, «а определить к иному делу».

Он пускает в ход все свои связи с влиятельными людьми.

И через три месяца добывается своего — именным указом Екатерины 14 февраля 1727 года его посылают на Московский монетный двор.

Это была не только милость — это была и необходимость. Русская монетная система переживала кризис. Страна была полна обесцененных денег. Монеты одного и того же достоинства имели разный вес и пробу. На монетных дворах кража золота, серебра и инструмента для делания денег приобрела громадные размеры. Ходила по рукам фальшивая монета. Не помогало даже страшное варварское наказание — фальшивомонетчикам заливали горло расплавленным металлом и они умирали в ужаснейших мучениях.

Для наведения порядка на Монетном дворе как нельзя лучше подходил Татищев, основательно изучивший денежное дело в Швеции и совсем недавно подавший свой проект о «переделе» медных и серебряных денег.

По указу императрицы монетные дворы были изъяты из ведения Берг-коллегии и подчинены Кабинету ее величества, а все монетное дело переводилось из Петербурга на старые московские монетные дворы, куда и посылался Татищев вместе с сенатором Волковым.

Московские монетные дворы они застали «истинно как после неприятельского или пожарного разорения, все инструменты разбросаны без всякого призора, многие под снегом на дворах находятся, деревянное гнило, а железное перепорчено...»⁶³.

Татищев набрасывается на новую работу со свойствен-

ной ему энергией. И хотя вначале ему показалось, что в порядок монетные дворы «и в год привести было бы нельзя», уже через месяц он докладывает, что почти все исправлено⁶⁴.

Он ведет дело по всем правилам тогдашней финансовой науки. Он намерен вывести русскую монету на одно из первых мест на мировом рынке. Разрабатывает свой проект русской денежной системы, предлагает изъять из обращения все старые медные деньги и переделать их по новому образцу, собрать все серебряные копейки и чеканить из серебра только гривенники и более крупную монету, ввести десятичную систему мер веса и многое другое...

Но Верховному Тайному Совету и императрице не до коренных реформ — дай бог кое-как заштопать прорехи. А потому многие проекты Татищева оседают в архивах...

В начале мая 1727 года умирает Екатерина I. Русский престол достался двенадцатилетнему Великому князю Петру Алексеевичу. С новой силой разгорается борьба придворных партий. В сентябре пал всемогущий Меншиков.

В сентябре же появился именной указ: Монетной конторой по-прежнему «ведать действительному статскому советнику и московскому губернатору Алексею Плещееву, статскому советнику Платону Мусину-Пушкину да Берг-коллегии советнику Василию Татищеву».

В феврале 1728 года в Москве, в Успенском соборе, короновали Петра II. При коронации раздавали новые награды и чины. В наградном списке среди шести новых статских чиновников мы находим и имя Татищева.

Но, несмотря на новый чин, положение его становится все более незавидным — приверженцы Петра I теперь не в чести, ибо на престоле сын царевича Алексея. Как в калейдоскопе меняются вокруг престола лица: одних возвращают из ссылки, на их место водворяют других. Двор

из Петербурга переезжает в старую столицу, где живет и работает Татищев.

Но при дворе он теперь не бывает. Он добросовестно исполняет обязанности члена Монетной конторы, а в остальное время... Остальное время посвящает русской истории, погружается в нее, стараясь не видеть того, что происходит вокруг, ибо ему больно видеть, как предаются заветы его обожаемого императора, а помочь он ничем не может. Он редко выходит из дома — разве что на Спасский мост к книжным лавкам, где можно купить новую книгу или старинную рукопись.

Рушится и семейная жизнь Татищева. 1 мая 1728 года он подает в синод прошение о разводе. Слухи о неверности жены подтвердились — теперь он имеет неопровержимые доказательства. Формального развода Татищев так и не получил, но отныне он навсегда порвал с женой.

От семейных дразг и придворных интриг Татищев отдыхал в кругу близких друзей. Впрочем, «отдыхал» не то слово. Он жил среди них духовно, находя понимание и поддержку.

Он снова близко сходитя с Феофаном Прокоповичем. В доме архиепископа Василий Никитич встречается с самыми талантливыми и просвещенными людьми тогдашней России. Здесь вели философские споры, обменивались новостями европейской науки, смеялись над невежеством, обсуждали политические события. Здесь Татищев слушал блестящие притчи и остроумные афоризмы Прокоповича, здесь звучали первые сатиры юного Антиоха Кантемира. Здесь родилась знаменитая «Ученая дружина», центром которой и стали Прокопович, Татищев, молодой Кантемир. Это был кружок первых русских просветителей, почитателей Петра I и продолжателей его дела, тех, кто теперь «не в авантаже обретались».

Князья Долгоруковы, облепившие трон Петра II, выселяли из Москвы всех, кто казался им опасен. Летом

1728 года они попытались отправить в ссылку и Василия Татищева, но что-то этому помешало.

Дальнейшие события занимают в жизни Василия Никитича весьма важное место, но мы вынуждены лишь упомянуть о них, чтобы поскорее добраться до новых горных дел Татищева. Особенно значительным был для него 1730 год... Год, когда умер от оспы император-подросток Петр II, когда началась было «затейка» верховников, пытавшихся прибрать власть в свои руки, когда самодержавная власть оказалась у племянницы Петра I Анны Иоанновны, когда Василий Татищев впервые за много лет бросился в самую гущу политической борьбы...

Впервые после смерти Петра I Татищеву показалось, что наступило время, когда он сможет по-настоящему вернуться и осуществить свои планы. Ведь он близок к императрице, ибо помогал ее воцарению и к тому же приходится ей каким-то далеким-далеким родственником. И он забрасывает ее своими проектами.

Прежде всего он разрабатывает программу просвещения страны. Его «Записка об учащих и расходах на просвещение России...», подготовленная для императрицы, представляет обширный план организации системы образования. Он предлагает создать 200 семинарий, четыре гимназии, два университета, Академию ремесел из четырех отделений: архитектуры, живописи, скульптуры и механики, кадетский корпус для дворянства...

Новая императрица одобряет его проекты и даже намерена сделать Татищева президентом Академии ремесел...

А пока он занял должность главного судьи Монетной конторы и уже в ноябре 1730 года подает в сенат свое «Мнение» о новой системе выделки денег — целый историко-экономический трактат с примерами из истории монетного дела России и Европы, обстоятельными расчетами о весе, количестве и ценности новой монеты. Он на-

мерен «всю нехорошую монету в пользу государства немедля в лучшую переделать».

Но время идет, и надежды Василия Татищева начинают рушиться. Его положение становится все более неопределенным. Анна Иоанновна забыла свои обещания, данные русскому дворянству. Иностранцы теперь стали хозяевами страны и саму Россию превратили в орудие для достижения личных целей. Все русские, казавшиеся опасными императрице и ее фавориту Бирону, изгонялись или уничтожались. Тайная канцелярия работала без устали: тысячи людей пропадали без следа в бескрайней Сибири. Даже из знатных русских фамилий оставляли в покое только тех, кто был покорен и неопасен.

Хотя Анна и восстановила сенат, но он уже не имел той силы, что при Петре I. Вся власть оказалась в руках Кабинета министров, созданного императрицей из трех человек. В его состав вошли дряхлый, уже тяготившийся делами граф Г. И. Головкин, князь А. М. Черкасский — знатный, но бездеятельный и нерешительный, и барон А. И. Остерман, практически решавший все дела.

Остерман отлично знал, что от него хотят. Он видел, что двор и окружающие его люди сменили рабочие петровские костюмы на роскошные одежды для балов и празднеств, что императрицу и ее фаворита прежде всего интересуют расходы на развлечения и уже во вторую очередь на разные дела. А потому он холодно отнесся к проектам Татищева. Осуществить его планы — значит, сократить расходы на содержание двора и тем вызвать недовольствие императрицы и Бирона. И Остерман не столько «по некоей ненависти удержал», как думал Татищев, его проект об Академии ремесел, сколько отказался от него по расчету. А поскольку Василий Никитич продолжал настаивать на своих проектах, то отношения между ними испортились.

Натянутыми, а затем враждебными становились взаимоотношения Татищева с его прямым начальником — гра-

фом Михаилом Григорьевичем Головкиным, сыном министра. Назначенный при Анне директором Монетной канцелярии, граф самым монетным делом почти не занимался.

Но главным врагом Татищева стал обер-камергер Эрнест-Иоганн Бирон, который управлял Россией, не имея даже русского подданства. Бирон ненавидел русских и не только не скрывал этого, но даже подчеркивал. Трепеща за свою власть и влияние на императрицу, он отдалял от нее всех, кто мог воздействовать на нее, кто был опасен осуществлению его эгоистических планов, всех, в ком видел и чувствовал ум, силу души и характера. Бирон окружал себя людьми, которые умели сносить его капризы и оскорбления, людьми покорными и податливыми.

Василий Татищев не был и не мог быть среди этих людей. Нет, внешне он старался быть любезным с Бироном и не оказывал пока открытого сопротивления. Но фаворит императрицы чувствовал в нем человека, который таит в себе внутреннее сопротивление, человека, в котором он не может быть уверен.

Татищев был чужд Бирону и его окружению. Этот труженик стал укором праздным придворным, он портил им настроение, он мешал их беззаботным увеселениям. Одним словом, он был не ко двору.

Татищев чувствовал, как все выше и крепче вырастала вокруг него стена отчуждения, что он все меньше и меньше находит поддержку и понимание при дворе и у людей, которые стоят у власти...

Граф Головкин, который вначале предоставлял ему полную свободу и самостоятельность в монетном деле, почему-то предложил заменить компанейщиков, подобранных Татищевым для вымена старых денег у населения и для поставки золота и серебра для монетных дворов. Граф пропускал мимо ушей аргументы Татищева в защиту выбранных компанейщиков и продолжал странно настаивать на своем требовании.

Отношения между Головкиным и Татищевым постепенно накаляются. Граф уже открыто враждебен: он придирается по каждому поводу, его намеки полны скрытых угроз. Татищев чувствует, что над его головой собираются тучи, но продолжает стоять на своем.

И гром грянул. Граф Головкин подает Бирону доклад о злоупотреблениях Татищева...

Его обвиняют в том, что он подобрал плохих компанейщиков, которые якобы не имеют в наличии полной суммы денег, необходимых для вымена старой монеты. Его обвиняют в том, что он берет от компанейщиков взятки.

Это обвинение во взятках чрезвычайно запутано и неясно. Только скрупулезный анализ второго следственного дела Татищева, хранящегося в ЦГАДА, может подтвердить или опровергнуть его виновность.

Сам же Татищев виноватым себя не считал. Если же на этот раз он виновен, то каким лицемером надо быть, давая своему сыну в «Духовной» следующие советы:

«По вступлении в дело наипаче всего храни правосудие во всех делах твоих, не льстяся ни на какую собственную пользу, помня то, что хотящие богатиться впадают в беды и напасти и что несправедное создание прах есть. И подлинно оным, хотя на малое время возвеселишия, но совестию всегда будешь мучиться, и оное богатство весьма непрочно». И повторяет уже известный нам тезис: «Лихоимство есть неправо взятое, а мзда принадлежит делающему по должности, яко письмо святое повелевает: делающему отдаждь мзду без умаления и достоен делатель мзды своя»⁶⁵.

Настоящая причина обвинений Татищева во взятках совсем в другом. И вовсе не из-за злоупотреблений был он отстранен от дел Монетной конторы. Настораживает прежде всего такое обстоятельство: доклад о «злоупотреблениях» Татищева был подан обер-камергеру Бирону. Почему? Ведь формально Бирон не имел никакого отношения к делам Монетной конторы, но он увидел, что на вы-

мене денег и на поставке золота и серебра можно неплохо нажиться, и предложил своих компанейщиков. Но Татищев мешал — поэтому его и убрали. Фаворит уже привык, что все услужливо выполняли его малейшие желания, а потому не потерпел сопротивления. Не приходится сомневаться в том, что донос на Татищева был подан по инициативе самого Бирона.

Таким образом, Татищев был отстранен от Монетной конторы, а подобранные им компанейщики заменены другими во главе с неким Дудоровым.

Татищев в опале. Он отстранен от всех дел. Его даже не привлекли в созданную для решения горных дел комиссию. Дальнейшее сопротивление Бирону грозит еще более тяжелой участью.

Императрица не может не уступить своему фавориту. Но она понимает, что уже нельзя так легко разбрасываться людьми, причем людьми дельными и преданными ей. И императрица делает «великодушный» жест — она прощает «вины» Татищева и назначает его вместо Геннина на уральские заводы.

Если Татищев и в самом деле не виновен, то положение его глупейшее. Теперь уже нет никакой возможности оправдаться. Объявить о своей невиновности после того, как даровано всемиловитвейшее прощение? Такого оскорбления ему не простят.

Татищев болен. Очень болен. Болен и душевно и физически. «Нахожусь в крайней слабости и без надежды долго жизнь мою соблюсти...» — записывает он в «Духовной» в конце 1733-го. Уже много недель он прикован к постели и никуда не выходит из дома. Но, несмотря на изнурительную болезнь, много размышляет, читает, пишет. Именно в это время Василий Никитич создает свои главные философские трактаты — «Разговор о пользе наук и училищ» и «Духовная моему сыну».

Пожалуй, впервые испытывает он такую настойчивую потребность осмыслить жизненный путь, ибо «во млади-

сти человека воля властвует над умом, и по апостолу Павлу дух его побежден плотию, ею же он водим. Егдаже человек приближается к старости или скорби, болезни, беды, напасти и другие горести усмиряют плоть его; тогда освобождается дух от порабощения, очистится ум его и примет власть над волею; тогда познает неистово и пороки юности своей, и начнет прилежать о приобретении истинного добра...»⁶⁶

«Я хотя вижу себя не великой старости достигша,— пишет он,— ибо ныне мне еще сорок восьмой год минул, но в болезнях, скорбях, печалях и гонениях невинном и от злодеев сильных изчезе плоть моя, и вся крепость моя изше, яко скудель...»⁶⁷.

Размышляя о своем жизненном опыте, он дает сыну советы, как нужно поступать в тех или иных случаях, чем руководствоваться в предстоящей жизни. Многие из этих советов покажутся нам сегодня наивными, а над некоторыми небесполезно подумать и в наше время.

СНОВА НА УРАЛЕ

Пройдет совсем немного времени, и изменится Василий Татищев.

Опять возродятся его энергия, его необычайное трудолюбие. И возродятся с новой силой. Он настолько увлечется новыми горными деяниями, что почти не останется времени для тягостных переживаний. Как будто бы не было тяжелой драмы, безнадежного отчаяния, предсмертной слабости. Впрочем, события последних лет наложили отпечаток на характер Татищева и на его поведение. Именно после этой драмы мы иногда не узнаем его. Несправедливая опала напугала Василия Никитича, и этот страх будет иногда прорываться в его поступках, которые не могут не вызвать по крайней мере недоумения. Хотя это будет случаться не так уж часто. Но все-таки будет...

Императрица почему-то поспешила не только «простить» опального подданного, но и «обласкать» его. Она беседует с Татищевым о горных делах в своей спальней—месте, куда допускались только избранные, она обещает ему покровительство.

Анна Иоанновна не хочет иметь лишних врагов—их и так у нее достаточно. Тайная канцелярия слишком часто доносит о разговорах, в которых обсуждают ее незаконное положение на русском престоле. И перепуганная Анна Иоанновна с болезненной жестокостью приказывает рубить головы или ссылать в Сибирь каждого, у кого вырывается неосторожное слово или сомнение в законности ее власти.

Она старается найти опору среди русского дворянства.

Конечно, Татищева уже нельзя оставить в Москве или столице, ближе около двора,—этого не простит фаворит, которого она тоже боится потерять. Пусть лучше этот неудобный, беспокойный человек работает на далеком Урале. Тем более что для посылки его туда есть хороший предлог. Старик Геннин вот уже несколько лет умоляет отпустить его с заводов⁶⁸.

И императрица объявила Кабинету министров, чтобы Татищева «немедленно и с полной мочью» отправили на Урал, и повелела президенту Комерц-коллегии барону Шафирову, в ведении которого находилось тогда горное дело, сочинить для нового горного командира инструкцию.

Как и следовало ожидать, инструкция Шафирова не удовлетворила Татищева. Он слишком хорошо помнит свое бессилие во время предыдущих поездок на Урал, а потому добивается, чтобы быть теперь не под началом Комерц-коллегии, а под властью Кабинета министров и самой императрицы. Анна Иоанновна не возражает.

Татищев сам составил инструкцию, в которой оговорил свои права на Урале. Не только больших прав доби-

вается он, но взваливает на себя множество разных обязанностей, которых не было в шафировской инструкции.

Он обязывает себя не только «иметь старание вновь руды золотые, серебряные и прочих металей и минералей искать», не только строить новые заводы, увеличить выпуск металла и улучшить его качество, но и заводить новые горные школы (конечно, он не мог забыть о них), впервые выработать Горный устав — обширное горное законодательство, и так далее и так далее⁶⁹...

Он взваливает на себя не только горные дела, но и административное устройство края, организацию правосудия, почты и еще и еще...

Кажется, что этого уже более чем достаточно. Но и это еще не все. Татищев обязуется составить новую карту Урала и Сибири, их географическое описание, наметает и другие научные проблемы...

Вместе с подобранными им помощниками (на этот раз их немало) пускается Татищев в путь. В третий раз едет Василий Никитич по знакомому маршруту: Москва — Нижний Новгород — Казань — Урал. Мало веселого встречает он на этом пути. Он видит разоренную страну, мародерски ограбленную специальными налоговыми командами. К тому же сказался неурожай прошлого 1733 года...

Еще в Москве Татищев видел, как по улицам бродили голодные крестьяне с детьми, ушедшие из своих нищих деревень. Каждое утро солдаты собирали на этих улицах трупы умерших от голода...

Из Нижнего Новгорода Василий Никитич отправил министру Остерману письмо:

«Хотя вашему сиятельству, мню, неизвестно уже, в каком худом состоянии здешние уезды находятся, однако ж и я, что видел и слышал, то дерзаю донести.

От Москвы до Мурома жита в полях как озимые, так

и яровые средние, и более надеяться можно, что невеликий недород будет, кроме того, что мало сеяно. А от Мурома до Нижнего я ни одного поля (где мне видеть случилось) не видел, чтоб все посеяно, а более таких, что наполовину и меньше рожью засеяно. Токмо и те посеянные редко которые за среднюю почестья может, но большая часть и семян не даст... Ныне многие к предбудущему сеvu земель не пашут... Сказывают, что крестьяне очень бегут, а куда, не знают...

Я, видя, что здесь и в других городах рожь и мука не в великой цене, удивлялся, что наперед сего гораздо дороже было, однакож такой скудости не было. Но слышу и можно разсудить, что оное от великой скудости в деньгах. И когда по городам спрашивал и уведомлялся, от чего такая скудость, то увидел, что купечество везде так ослабло, что, почитай, торгу никакого не имеет и крестьянских товаров ни за что не покупают, потому что, почитай, на всем купечестве великая недоимка показана, дворы их и пожитки описаны...

Я ездил на Макарьевскую ярмарку и видел оную весьма перед прежним малу, чего ради многие купцы в накладе товары свои продать готовы, да купить некому...»⁷⁰

* * *

5 сентября 1734 года горный командир прибыл на Егошихинский завод, рожденный десять лет назад по его замыслу.

На бойком месте поставили Егошиху. Теперь здесь останавливаются караваны, идущие с солью, хлебом, металлом, купеческие обозы и суда. Здесь Россия встречается с Уралом. Через Егошиху же ведет и хорошо наезженная дорога — из России на Кунгур, а затем на большой Сибирский тракт. На Егошихе удобно переваливать на воду товары, привезенные сухим путем, и наоборот. Людно, оживленно теперь в Егошихинской слободе.

Окреп за прошедшие годы и Егошихинский медный завод.

Но Татищев уже смотрит вперед, в будущее этого горного городка. Вскоре он переведет сюда из Соликамска Пермское горное начальство, ибо вокруг Егошихи появились уже другие заводы: Суксунский, Юговский, Пыскорский, Висимский, Курашимский... Откроет горную школу, заведет почтовых лошадей, госпиталь, гостиный двор, прикажет построить рядом еще один медеплавильный завод — будущую Мотовилиху. А через несколько десятилетий Егошихинский завод признают удобным «для учреждения в нем губернского города» и назовут его Пермью.

В Екатеринбург, где его нетерпеливо дожидается Геннин, Татищев пока не спешит — сначала надо посмотреть Урал своими глазами. Уже давно складывался в его голове план нового освоения этого края. Он вынашивал этот план вместе с императором Петром I и потом в Швеции, бывая на тамошних рудниках и заводах, все лучшее примеривал к Каменному Поясу... И вот теперь настала пора воплощения замыслов. А для этого нужно увидеть все самому и действовать со знанием дела, все взвесив и рассчитав.

В Татищеве сочетаются и расчетливость и оперативность. Он не любит ничего делать, не продумав, но не любит и откладывать в долгий ящик, он умеет быстро принимать решение и сразу же браться за его осуществление. А ведь уже нет молодости, прежней ловкости, силы и выносливости. Он уже не розовощекий капитан: исчезла округлость его породистого лица и впали щеки, суше стало тело от болезней. Ему еще нет и пятидесяти, но уже сказывается постоянное нервное и физическое напряжение многих лет. Он, проповедующий благоразумный образ жизни, практически никогда не щадил себя, всегда выкладывался полностью, не оставляя сил про запас.

И, кроме того, он болен, болен почти постоянно, однако не позволяет себе расслабиться...

После Егошихи он поднимается вверх по Каме, осматривает Пыскорские заводы, а также медные заводы Строгановых и Турчанинова, выбирает места для новых заводов. «Токмо я с великим трудом ходил сам в некоторые копи, а все за тогдашнею моею слабостию и великою трудностию»,— сообщал Василий Никитич в одном из своих писем...

1 октября 1734 года Татищев приехал в Екатеринбург. За его отсутствие город возмужал, ему уже тесно в крепостных стенах, слободы вылезли за их пределы, стройными рядами аккуратных домиков разбежались по берегам пруда и реки Исети. Многого и не узнать. Блестит белой жемью шатер Екатеринбургской церкви, Московские крепостные ворота отделаны «архитектурою по эмблемам», на западной стороне расположились торговые ряды. Дымят домны, размеренно крутятся огромные водяные колеса, стучат молотовые...

Надо отдать должное генералу Геннину—Екатеринбург являлся для него предметом особых забот.

Василию Никитичу была приятна встреча со своим главным уральским детищем. Теперь воочию увидел он претворение своих замыслов, выношенных в январские ночи 1721 года на Уктусе. Многие строения заложены по его чертежам и под его руководством весной и летом 1723 года. Да и то, что появилось после его отъезда, тоже создано не без его участия. Многие машины на фабриках сооружены по присланным им шведским чертежам, Платный двор и гранильная мастерская появились благодаря его идеям и заботам.

Неплохо потрудился старик Геннин. И все-таки Татищев был недоволен. Объезжая прикамские заводы, он увидел много прорех и небрежностей, которые возмутили его...

Геннин торопился, старался как можно быстрее сдать дела новому хозяину и вырваться с надоевшего ему Урала. Он старчески хвастал, ждал похвал, но Татищев был

сдержан на восторги. Конечно, генерал сильно двинул горное дело — настроил новых заводов, завел машины... Но сколько недоделано или сделано на его, татищевский, взгляд плохо. К тому же Геннин совершенно запустил управление и учет.

Больше всего, пожалуй, Татищева возмутило то, что Геннин пытался скрыть следы своих огрехов. «О щетах вижу,— писал Василий Никитич Остерману,— что великие были плутни и для того здесь, получа известие о моем прибытии, многие прежние и непорядком лет (документы) сослали в коллегию, где их, чаю, разобрать не могут».

Эта махинация Геннина, окончательно запутавшая всю горную документацию, так разозлила нового командира, что они поссорились... Поручив принимать дела у генерала своему помощнику советнику Андрею Хрущеву, не прожив и десяти дней в Екатеринбурге, уехал на заводы, расположенные по восточному склону Уральских гор.

Объезжая знакомые ранее места, Василий Никитич радовался переменам. Оживленнее стал Каменный Пояс, многолюднее. Со всех концов России стягивался сюда народ, хотя часто и не по своей воле. Рудознатцы отыскивали новые рудные кладовые. В диких, прежде пустынных местах уже тянуло дымом и гарью от домен и медеплавильных печей. Одиннадцать казенных заводов поднялось на Урале, да демидовских насчитывалось десятка полтора. Появились новые горнопромышленники — Турчаниновы, Осокины, Тряпицыны.

Промышленным краем стал Урал. Многим его заводам завидовала сама Европа... Реки покрылись пристанями, от которых плыли в Россию и европейские страны караваны коломенок, груженные дарами уральских недр...

Много уже сделано на Урале, но можно сделать еще больше. Поездка по заводам взволновала Татищева. Благодарный край — есть где размахнуться по-настоящему.

Надо только навести порядок. Между заводчиками бесконечные конфликты и споры, которые отнимают много времени и сил. Нужны специальные горные законы. Давно уже вынашивал Татищев свой Горный устав и теперь, заново знакомясь с уральским заводским делом, окончательно завершал его.

В этом уставе Татищев проявляется не только как горный деятель, но и как политик и философ. Он по-петровски смотрит на государство, как на магическую силу, организующую все. Татищева коробили демидовские методы хозяйничания на Урале, которые хотя и давали быстрые результаты, но часто вредили общим интересам казны и других заводчиков. А потому он считал, что государство должно контролировать и жестко регламентировать все действия частных промышленников. Но в то же время и помогать им...

Итак, все, в том числе и горное дело, управляется, по Татищеву, сверху, но для того чтобы избежать ошибок, нужна и коллегиальность — это тоже одна из петровских заповедей. Поэтому, открывая 12 декабря 1734 года в Екатеринбурге совещание промышленников для обсуждения Горного устава, горный командир в своей вступительной речи провозгласил:

«Всяк имеет волю свое мнение объявить, колико ему Бог в том знании уделил, и при том остаться, доколе или тот или другой, познав лучшую истину, первое переменить; я же вам всем по моей должности и по крайнему разумению служить и моим советом помогать желаю...»⁷¹

Обсуждение Горного устава затянулось на несколько месяцев.

Татищев же не теряя времени взялся за осуществление своего плана: сорок новых заводов собирался поставить он на Каменном Поясе...

И Урал, словно идя навстречу его желаниям, раскрыл перед ним одно из самых великих своих сокровищ...

Надо только навести порядок. Между заводчиками бесконечные конфликты и споры, которые отнимают много времени и сил. Нужны специальные горные законы. Давно уже вынашивал Татищев свой Горный устав и теперь, заново знакомясь с уральским заводским делом, окончательно завершал его.

В этом уставе Татищев проявляется не только как горный деятель, но и как политик и философ. Он по-петровски смотрит на государство, как на магическую силу, организующую все. Татищева коробили демидовские методы хозяйничания на Урале, которые хотя и давали быстрые результаты, но часто вредили общим интересам казны и других заводчиков. А потому он считал, что государство должно контролировать и жестко регламентировать все действия частных промышленников. Но в то же время и помогать им...

Итак, все, в том числе и горное дело, управляется, по Татищеву, сверху, но для того чтобы избежать ошибок, нужна и коллегиальность — это тоже одна из петровских заповедей. Поэтому, открывая 12 декабря 1734 года в Екатеринбурге совещание промышленников для обсуждения Горного устава, горный командир в своей вступительной речи провозгласил:

«Всяк имеет волю свое мнение объявить, колико ему Бог в том знание уделил, и при том остаться, доколе или тот или другой, познав лучшую истину, первое переменить; я же вам всем по моей должности и по крайнему разумению служить и моим советом помогать желаю...»⁷¹

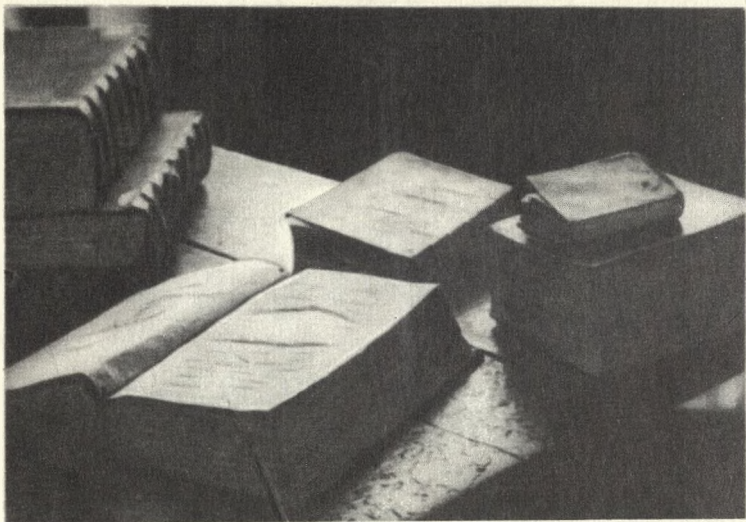
Обсуждение Горного устава затянулось на несколько месяцев.

Татищев же не теряя времени взялся за осуществление своего плана: сорок новых заводов собирался построить он на Каменном Поясе...

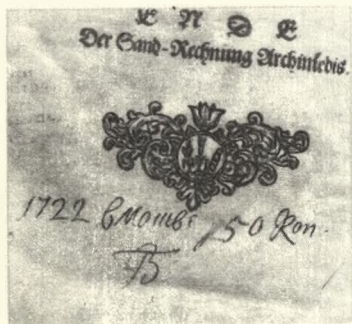
И Урал, словно идя навстречу его желаниям, раскрыл перед ним одно из самых великих своих сокровищ...

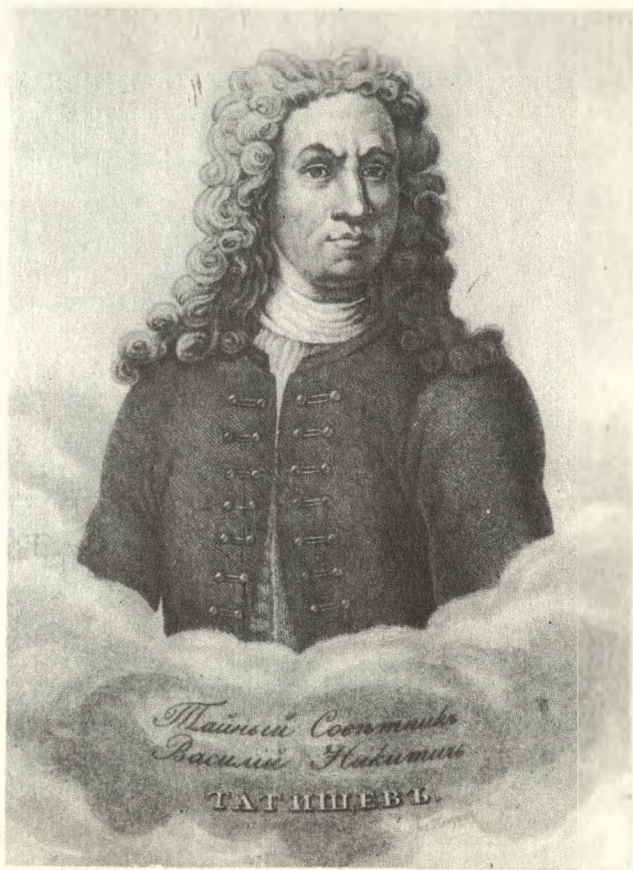
Петр I. Гравюра

Библиотека В. Н. Татищева.
Свердловский областной краеведческий музей

Одна из книг с автографом В. Н. Татищева.
Печать горного начальника Уральских и Сибирских заводов

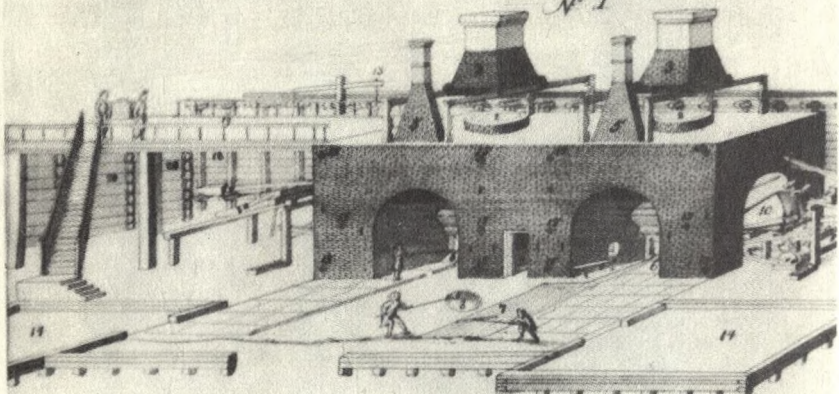
В. Н. Татищев

*Президент Берг-коллегии
Я. В. Брюс.
Гравюра*

*В. И. Геннин.
Гравюра*

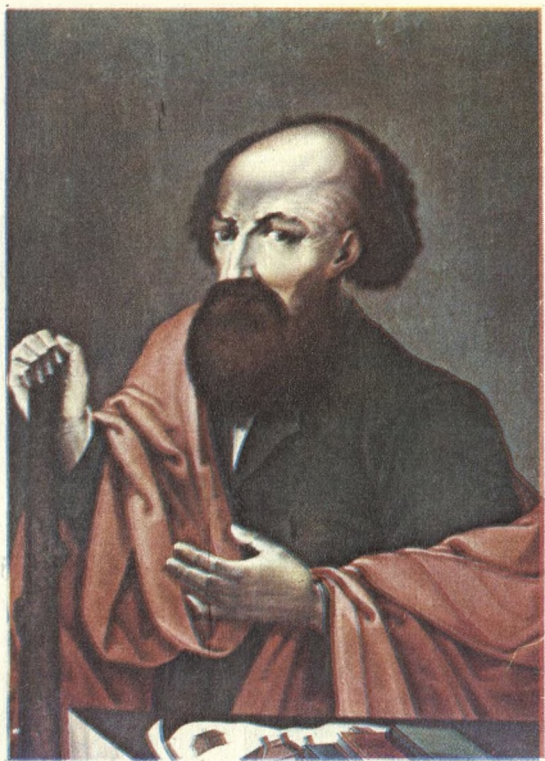

13 Домна Екатеринбурга представляется в разрезе
 показывая каменные столбы и чугунные
 балки, которыми поддерживается вся
 конструкция. Вверху видны трубы
 для выходящего пара. В центре
 находится печь, в которой
 производится обработка
 чугуна. Внизу видны
 основания для стоек, на
 которых стоят машины.

14 В этой домне производится
 обработка чугуна. В центре
 находится печь, в которой
 производится обработка
 чугуна. Внизу видны
 основания для стоек, на
 которых стоят машины.

15 В этой домне производится
 обработка чугуна. В центре
 находится печь, в которой
 производится обработка
 чугуна. Внизу видны
 основания для стоек, на
 которых стоят машины.

Екатеринбургская домна.
 Гравюра

Никита Демидов.
Портрет неизвестного художника.
Нижегородский краеведческий музей

Невьянская башня